

Училище было четырехклассным. В нем преподавалось всего десять предметов, относящихся, главным образом, к общеобразовательным дисциплинам: это языки — русский (включая старославянский), латинский и греческий, география, арифметика, чистописание. Специальными же предметами были Священная история Ветхого и Нового Заветов, катехизис, изъяснения богослужения с церковным уставом, церковное простое и нотное пение. Кстати, общеобразовательным предметам отводилось в пять раз больше времени, чем специальным. Скорее всего, учитывалось то, что с вопросами веры дети священников знакомятся с самого раннего детства¹.

В параграфе 107 Устава Духовных училищ было сказано: «Свободное от учебных занятий время ученики употребляют на отдых, прогулки и упражнения, способствующие развитию и укреплению телесных сил».

Любимым предметом Александра была арифметика. Обладая исключительными способностями, пытливым умом, он самостоятельно пополнял свои знания, пользуясь монастырской библиотекой. Выбирал он, как правило, книги по географии, естествознанию и, конечно, читал художественную литературу.

ВЕСНА ПЕРЕМЕН

Мороша разлившаяся весной Исетью, величественно несущая свои воды в обрамлении цветущих берегов. Медуницы, купавки, одуванчики, сон-трава — все богатство разнотравья смешалось тут. На берегу повыше заневестилась белоснежная черемуха, яркими купчихами раскинулись кусты сирени.

Сашура нашел плоский камушек и, размахнувшись, сильно метнул его вдоль водной глади прямо по блестящей дорожке клонящегося к закату солнца.

Раз, два, три — прошлепал тот, отскакивая от воды. Сашура затаил дыхание: если его «лягушка» сделает еще два прыжка, значит, завтра он сдаст последний экзамен на «отлично», как и все предыдущие. Четыре... Пять! Ура! От избытка чувств он подпрыгнул на месте и побежал вверх по угору к стенам монастыря.

Оказалось, что Рафаил уже вернулся домой и, сидя возле окна, читает газету.

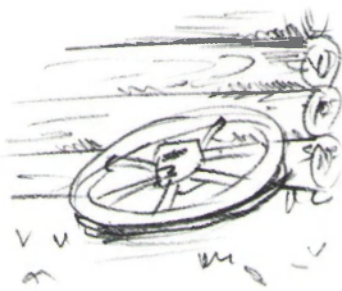
— Набегался, пострел?

— Не-а, — отвечает Сашура, снимая ботинки, — еще бы побегать. А ты почему дома так рано?

— Есть важные новости. Спешил рассказать, а тебя и нет, — Рафаил поднялся со стула. — Бери полотенце, пойдем на двор, полью, сначала умоешься. Ишь, мокрый, как мышь в капкане.

Когда облитый колодезной водой и докрасна растертый полотенцем Сашура сел, наконец, спокойно, Рафаил снова достал газету.

¹ Г. С. Плотников «Описание Далматовского Успенского монастыря».

– Смотри, брат, здесь опубликовали новый реформенный закон. Называется он «Об устройстве детей лиц православного духовенства», то есть о нашем с тобой устройстве. Как тебе известно, деды и прадеды наши и по матушкиной, и по батюшкиной линии – все были служителями церкви. И всякий мальчик, который родился в такой семье, сразу же записывался в духовное сословие. Это означало, что, когда он вырастет, тоже должен будет посвятить себя церкви и ни в какое другое дело уйти не может. Даже если у него, к примеру, талант к наукам или к писательству. Знал ты об этом?

– Знал.

– Хорошо. Так вот наш царь Александр Николаевич, да хранит его Господь, подписал на днях закон, согласно которому дети православного духовенства теперь не принадлежат к духовному званию. А понимаешь ли ты, Сашура, что это значит?

– Нет, – заробел младший Попов.

– А то и значит, друг, что теперь мы с тобой – ты да я – сможем сами выбирать: служить ли нам Церкви или чему-то другому свою жизнь посвятить!

Рафаил встал и в волнении заходил по комнате.

– Представляешь, можно поехать в Санкт-Петербург и поступить в университет. Или в Москву, там тоже есть университет! А потом, – Рафаил даже зажмурился от невероятности мечтаний, – выбирай! Все пути перед тобой открыты! Вот ты чем хотел бы заниматься?

– Не знаю..., – растерялся мальчик. – Наверное, инженером быть. Это так здорово – придумывать разные машины, которые в сто раз сильнее человека.

– А я знаю, чем хотел бы заниматься всю жизнь, – говорит Рафаил. – Ездил бы по России, наблюдал за жизнью людей и писал

Из семейного альбома

Г. да.
в архив.

Групповая фотография. Сидит Анна Ильинична, рядом Парасковья Ермолаевна Попова (тетя Серафимы Дмитриевны Лавровой), через одного человека – ее муж, Николай Ипполитович Попов. Соликамск, начало XX века

Маргарита и Николай Ижевские, племянники А. С. Попова. Дети Анны Степановны Поповой (Ижевской), сестры А. С. Попова. Пермь, конец XIX века

об этом книги. И еще издавал бы свой литературный журнал. Но сначала нужно в столицу, в университет!

– Рафа, – Сашура осторожно тронул брата за рукав, – а как же папа? Вдруг он захочет, чтобы мы, так же, как и он, продолжали служить Церкви?

Рафаил перестал ходить по комнате, сел напротив и сказал:

– Саша, наш отец – человек мудрый и добрый. Ты же знаешь – он самый лучший в мире. И еще он любит нас. Я думаю, он все поймет. Помнишь, он всегда говорит, что дело, которому служишь, надо любить. Только тогда это будет хорошее дело.

Юные годы Александра Степановича Попова пришлось на эпоху великих реформ, проводимых кабинетом министров Александра II. Вслед за отменой в 1861 году крепостного права последовал целый ряд законов, существенно изменявших социальную жизнь России. В программе преобразований значительное место занимала и церковная реформа. 26 мая 1869 года был принят закон «Об устройстве детей лиц православного духовенства», сыгравший важную роль в судьбах десятков и сотен тысяч людей.

Отделив детей духовенства от сословия, закон не только полностью сохранял их права на образование в духовных учебных заведениях, поступление в клир, получение пособий от епархиальных «Попечительств о бедных духовного звания», но давал и новые права. В частности, обучающиеся в духовных школах получили возможность по окончании каждой очередной ступени (училища, семинарии) свободно выбирать: учиться дальше в духовной школе или перейти в светскую, а после семинарии и академии – род деятельности. Дети клириков – священников и диаконов – получили права отпрысков личных дворян, а дьячков, пономарей и псаломщиков – чад личных почетных граждан. Отныне дети духовных лиц имели право выбора рода службы, заниматься торговлей, предпринимательством и т. д. на правах той социальной группы, в которой оказывались. Таким образом, был сделан большой шаг к ликвидации сословной замкнутости духовенства¹.

Тем не менее фактически духовное сословие продолжало существовать вплоть до 1917 года. И основным механизмом его сохранения стали именно духовные школы. Потому что единственной привилегией духовенства осталось бесплатное обучение детей в духовных училищах и духовных семинариях, но этот фактор, при очень небольшой доступности среднего образования в России, был очень важным. Выпускники четвертого класса семинарии могли поступать в вузы, идти служить в армию офицерами, выходить на гражданскую службу с 12-м классом «Табели о рангах».

Надо заметить, однако, что не все дети духовных служителей использовали данную им возможность получить хорошее образова-

¹ С. В. Рыцкий «Российская Церковь в эпоху великих реформ. Церковные реформы в России 1860–1870-х годов». М., 1999.

**Вид на реку Исеть
с колокольни Далматовского
монастыря. Начало XX века**

ние. Слабо успевающие ученики были в классе не редкостью. Кто-то из них по несколько лет сидел в одном классе, а кто-то, иссушив терпение училищного начальства, и вовсе исключался из духовного училища.

На сайте Далматовского монастыря мы нашли такой исторический документ.

«Свидетельство. Объявитель сего Далматовского Духовного Уездного Училища низшего отделения ученик Александр Загуменный Шадринского уезда Теченского села Введенской церкви бывшего пономаря Льва Загуменного сын, имеющий от роду 19 лет, поступив в Далматовское Духовное училище в 1842 году сентября 3 дня обучался в оном: При спо-

собностях и прилежании — слабых. Языкам латинскому, греческому — слабо, Пространному Катехизису — мало, Грамматикам Российской и Славянской — мало, Церковному уставу и церковному пению — мало. Ныне на основании § 26 устава Духовных Уездных Училищ из ведомства училищного по малоуспеваемости исключен, с таковым об нем, Загуменным, показанием, что он может быть определен не более, как только в низший разряд церковнослужителей... Июля 15 дня 1848 г. Подписи: Смотритель Далматовского училища Игумен Мефодий, инспектор Гаврил Лаврентьев, учителя Антоний Уфимцев. Василий Боголепов».

После шестилетней «учебы» Александр Загуменный был определен послушником Далматовского Успенского монастыря.

Совсем не таким был Сашура Попов. Успевая как все мальчишки побегать, поиграть с ребятами и покататься на коньках по застывшей Исети или порыбачить в рыбный сезон, он все же был очень прилежным учеником. И по всем статьям соответствовал высоким требованиям, которые предъявлялись педагогами. Об этом свидетельствуют результаты экзаменов 1871 года: только пять учеников, в том числе Александр Попов, были переведены в 3-й класс с круглым баллом «5», десять учеников получили «4», двенадцать «3» и девять с оценкой «2» оставлены на второй год, а остальные по «малоуспеваемости» исключены.

Но до окончания второго класса Саше оставался еще целый год. Пока же он, успешно сдав экзамены за первый год обучения, собирался в путь-дорогу. На каникулы в родной дом.

Глава III

ЕКАТЕРИНБУРГ
Звездное небо
и нравственный закон

Уездный город Екатеринбург Пермской губернии. Вид от дома начальника горного округа. Начало XX века

В СЕМЬЕ

К вечеру в доме Поповых, как обычно, собрались гости. Сашура сидит за общим столом и ему хорошо оттого, что он снова дома, что вокруг знакомые, родные лица, привычные разговоры и матушка нет-нет да и погладит его украдкой по голове.

Стол по случаю Петрова поста скромный: кисель да гороховая каша. Но как же все вкусно! Какой хлеб у матушки получается... Отрежешь краюху, присыплешь сверху крупинками соли, поднесешь к лицу, а она пахнет... аж голова кругом. А сегодня, в честь приезда из Далматово сыновей, напекла Анна Степановна еще баранок целую гору. Правда, от той горы уже мало что осталось – семья-то большая.

Сашина сестра Катерина улыбается:

– Что, Сашура, небось в первую очередь в мастерскую к отцу Василию завтра побежишь? А уж он-то как по тебе соскучился, очень ему помощника не хватает.

Отец Василий, муж Катеньки, сидит рядом:

– Приходи, как встанешь. Год не бывал, поди-ка подзабыл, как рубанок в руках держать? Ну, приходи, вместе вспомним.

Саша радостно кивает: мастерская у Слоцова что надо. Да и у самого отца Василия руки золотые: сделать может, наверное, все, что угодно.

– Нет, Сашура, завтра с утра лучше с нами в лес пойдем, – предлагает младшая сестренка Аннушка. – На угоре земляника начала поспевать, мы с Авгочкой вчера, прям, объелись, да, Авгочка?

– Ага, – откликается шестилетняя Августа. Но разговор не поддерживает. Ей некогда, она рисует портреты приехавших братьев. На прошлой неделе дядя Николай вернулся из Петербурга и привез ей чудо из чудес – цветные карандаши. Теперь она не выпускает

их из рук, чуть не спать с ними ложится. Боится, а вдруг батюшка передумает и вернет их обратно. Вон как он нахмурился, когда увидел, что на этот раз господин Куксинский привез из столицы.

– Что ж вы, Николай Иосифович, такие дорогие подарки делаете? – попенял ему священник. – Теперь я себя чувствую в некотором долгу перед вами.

– Полноте, отец Стефан, какие долги! – ответил на то Куксинский даже, как показалось Августе, немного сердито. – У девочки талант. Ей непременно нужно учиться художеству и дальше. Вот и пусть учится на хорошем.

На том и порешили. Но Августа, на всякий случай, заветную коробочку держит при себе. Мало ли что, разве угадаешь, что на уме у этих взрослых...

Между тем разговор за столом снова вернулся к Далматово. Рафаил рассказывает о своих уроках латинского языка, об учениках, вспоминает смешные и курьезные случаи. Старается при этом не сболтнуть лишнего, чтобы не огорчать матушку бурсацкими нравами и порядками. Батюшка тоже улыбается над рассказами о ребячьих проделках, но глаза серьезны – он может предположить, как там все происходило на самом деле: сам в бурсе учился. Такими же понимающими глазами смотрят на Рафаила отец Василий и новый гость за семейным столом Поповых – екатеринбургский семинарист Георгий Левитский, приехавший в Турьинские Рудники, как сказали домашние, по делам службы.

– А что же Сашура? Как с товарищами ладил? – спрашивает отец.

– Ладил. Сам не задирался, но и себя в обиду не давал, тут к нему нареканий нет, – улыбаясь, отвечает Рафаил. – А обещал я дома рассказать, что к урокам Александр относился не так прилежно,

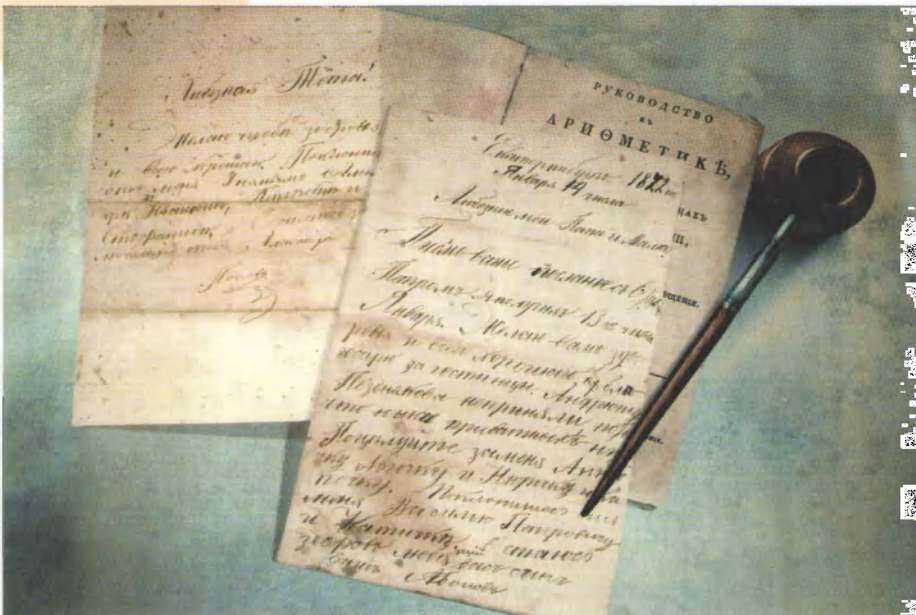
как надо бы. Ему больше нравилось на коньках по Исети кататься, нежели псалмы учить. Не раз мне его приходилось силком за уроки усаживать...

– Правда ли это, Александр? – отец повернулся в сторону Сашуры, и в комнате повисла тишина.

– Правда, батюшка, – потупившись, отвечает тот. – Только я Рафе уже обещал и сейчас всем говорю: дальше буду прилежно учиться.

– Вот и хорошо, сыночек, – Анна Степановна поспешила сгладить

Письмо А. С. Попова
родителям

Отдѣлъ 6-й.

РЫБЫ.

Примечаніи. Главное вниманіе нужно обращать на то, чтобъ рыба была совершенно свѣжа, тогда только она вкусна и безвредна. Узнавать свѣжесть рыбы слѣдующимъ образомъ: поднять щеки; если жабры красныя, то рыба свѣжа, если же темныя или бѣлыя, то рыба не годится. Если рыба замороженная, то нужно смотрѣть, чтобъ кожа была бѣлая, а не темная.

243.

Шука, запеченная съ кислой капустой.

Очищенную и посоленную шуку сварить съ кореньями: кислую капусту утунить отдѣльно до мягкости съ ложкою масла, то и другое остудить. Намазать масломъ блюдо, уложить на него приготовленную капусту, потомъ порѣзанную на куски рыбу, вынуть изъ нея кости, полить масломъ опять капусту и такъ поступать, пока все уложится, но чтобы сверху была капуста. Поставить

— 121 —

блюдо на $\frac{1}{4}$ часа въ печь, покрыть крышкою. Вынуть, посыпать сверху сухарями, полить масломъ, протянуть въ нѣсколькихъ мѣстахъ вилкою, чтобъ масло прошло насквозь, и поставить опять въ печь, чтобъ зарумянилось.

244.

Шука, запеченная съ хрѣномъ.

Порѣзать шуку на куски, посолить; порубить пару луковичъ, поджарить съ ложкой масла, потереть хрѣну и поджарить вмѣстѣ съ лукомъ. Положить въ кастрюлю рядъ рыбы, переложить хрѣномъ съ лукомъ и такъ поступать, пока все уложится. Наконецъ, залить сметаной, накрыть крышкою и тушить въ печи.

245.

Шука подъ соусомъ съ хрѣномъ.

Порѣзать на куски шуку, положить въ кастрюлю, залить кипяченой водой съ разными кореньями, влить ложки 2 уксусу, положить нѣсколько зеренъ перцу и сварить на сильномъ огнѣ подъ крышкою. Взять ложку масла, столько же муки, поджарить слегка, стаканъ $1\frac{1}{2}$ или 2 тертаго хрѣна тоже слегка поджарить выѣтъ развести стаканомъ рыбнаго бульону, вскипятить, влить стаканъ сметаны, размѣнать, вскипятить и облить этимъ соусомъ вареную шуку.

неловкую для сына ситуацию. – Машенька, доченька, налей Георгию Игнатьевичу еще чайку.

Шестнадцатилетняя Мария, покрасневшись, взяла чайную чашку отца Георгия, потянулась к самовару, и Сашура увидел, как отчего-то дрожит ее рука. Он перевел взгляд на гостя – с виду обычный священник, постарше Рафаила, но не такой старый, как отец. За столом сидит, как все, ничего строгого или сердитого Маше не говорит да и смотрит, вроде, ласково. А сестренка его почему-то боится... или не боится? Вот опять взглянула украдкой. И еще раз... Нет, непонятный все-таки народ, эти девчонки. Даже если они – твои любимые сестры и даже если старшие...

Лето Саша провел в Турьинских Рудниках. Но он уже не так часто, как раньше, ходил с младшими сестрами в лес за грибами и ягодами, зато нередко его можно увидеть вместе с мужем старшей сестры Екатерины, священником Василием Словцовым. Мастер на

*Страницы поваренной книги
второй половины XIX века*

все руки, он покорила шурина своим умением, преподав ему навыки столярного, слесарного и токарного ремесла. То они чинят забор, то ремонтируют крышу, то изготавливают какую-нибудь нужную в хозяйстве вещь.

Именно в мастерской Словцова Александр Степанович Попов получил первые навыки «рукомерла», так пригодившиеся ему впоследствии, например, в Кронштадте, где ему, из-за отсутствия необходимых мастерских, приходилось самому изготавливать нужную аппаратуру. Трудовые навыки, полученные в детстве, оказались особенно полезными в студенческие годы, когда он был предоставлен самому себе и в поисках заработка с успехом выполнял непривычные для того времени – на заре электротехники – электромонтажные работы.

Вообще, родственники и ближайшее окружение Александра Попова сыграли большую роль в становлении характера будущего гениального изобретателя и, конечно, помогли реализовать заложенные в нем способности. Думается, поэтому будет вполне закономерным небольшое отступление, посвященное некоторым сведениям о судьбах других детей отца Стефана – Степана Петровича Попова.

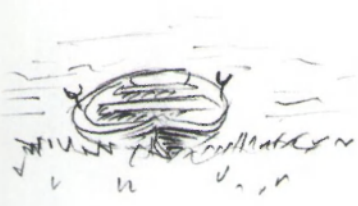
Что касается священника Василия Словцова, с которого мы, собственно, и начали этот рассказ, то, по сведениям М. В. Гуляевой (внучки Василия Петровича и Екатерины Стефановны), женившись, отец Василий получил место в штате Николае-Павдинском Заводе и выехал с женой туда. Молодая жена, привыкшая к жизни в большой семье, очень скучала на новом месте и просила родителей отпустить к ним погостить нашего героя. Не связанный школьными занятиями, Сашура подолгу гостил в Павде.

Приезжал Сашура к своим родственникам и позже, когда семья Словцовых стала прибавляться детьми, которых было тоже много: Мария, Анна, Василий, Александра, Алевтина, Владимир.

Поданным Екатеринбургской епархии, в 1919 году В. П. Словцов ушел с белой армией на восток, жил в Тобольске, а через год вернулся в Богословский Завод. 22 мая 1922 года был арестован и осужден ревтрибуналом на пять лет заключения в исправительном доме. Умер в 1924 году, похоронен на Ивановском кладбище Екатеринбурга¹. Дело отца Василия Словцова продолжил, в частности, его сын Василий Васильевич Словцов (1870–1935? гг.). Он окончил Пермскую Духовную Семинарию, был священником в Турьинских Рудниках, затем – в Верхотурье. Репрессирован в начале 1930 года. Другие его дети – Владимир, Георгий, Филарет (Васильевичи) – тоже окончили Пермскую Духовную Семинарию.

Августа Степановна Попова-Капустина (1863–1940 гг.) окончила Академию художеств в Санкт-Петербурге. Ее муж, Федор Яковлевич Капустин (1859–1936 гг.), племянник знаменитого

¹ В. Лавринов, протоиерей. Екатеринбургская епархия. «События. Люди. Храмы». Екатеринбург, изд-во Урал. университета, 2001, 336 с.

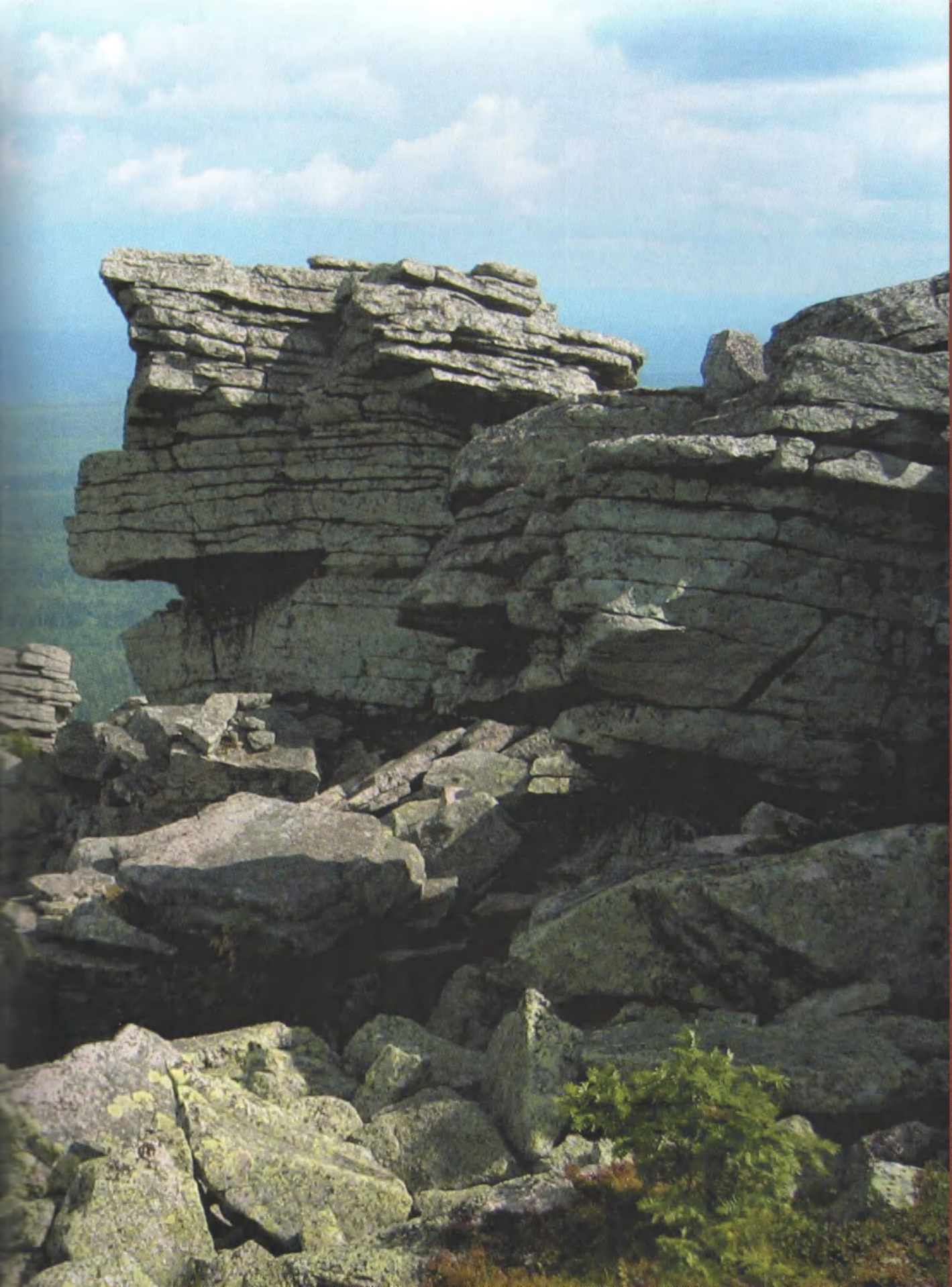
*Реконструкция комнаты
в доме Левитских*

ученого Д. И. Менделеева, окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, стал профессором Томского университета, позднее – профессором Минных офицерских классов в Кронштадте. Художественные работы Августы Степановны широко представлены в Мемориальном музее А. С. Попова в Краснотурьинске. Это – пейзажи тех мест и портреты ее отца, матери, сестер. Несколько картин украшают Музей Попова в Санкт-Петербурге.

Анна Степановна Попова-Ижевская (1860–1930 гг.) окончила Екатеринбургское епархиальное училище, Санкт-Петербургские высшие женские медицинские курсы, стала врачом. Ее муж, Павел Иванович Ижевский, получил образование в Военно-медицинской академии. В их доме в Санкт-Петербурге при помощи А. С. Попова был организован первый в России физиотерапевтический кабинет.

Самая младшая сестра Александра Попова, Капитолина Степановна Попова-Диева (1870–1942 гг.), окончила Екатеринбургское епархиальное училище. Ее муж – Дий Прокопьевич

Из семейного альбома

*З. да.
в афен.*

**Групповая фотография.
В последнем ряду – Петр
Михайлович Лавров и Серафима
Дмитриевна Лаврова (жена
Измаила Петровича Лаврова).
Фотографировал, вероятно,
Измаил Петрович Лавров.
Соликамск, 1890-е годы**

**Последнее семейное фото
А.С. Попова, 1903 год**

Диев – инженер-механик Надеждинского завода, затем профессор Санкт-Петербургского горного института¹.

Что же касается брата Рафаила (1849–1913 гг.), то о нем нужно сказать больше, чем о других. Потому что он сыграл, пожалуй, самую главную роль в жизни Сашуры Попова. И не только потому, что помогал в приготовлении уроков и присматривал за ним в Далматово: он наглядно продемонстрировал брату, как надо искать себя в жизни, а найдя собственное призвание, не отступать от него, как бы трудно ни было.

Еще преподавая в Далматовском Духовном училище, Рафаил посылал свои статьи о местной жизни в столичные газеты, где его ценили как талантливого очеркиста. Но он сам не всегда оставался доволен результатами своего труда. Переписываясь с видными современными писателями (в частности с Ф. М. Достоевским), он, «наверное, сознавал свою недостаточную образованность и замыслил поступление в Санкт-Петербургский университет»².

В 1870–1875 годах Рафаил учился на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. Одновременно сотрудничал со столичными изданиями, писал на общественные темы в газетах «Неделя», «Гражданин», в журнале «Отечественные записки». Будучи народником по своим убеждениям, основной интерес проявил к социальным проблемам горнозаводского населения Урала, в частности, к условиям быта рабочих.

С 1875 года он – помощник редактора журнала «Мирской вестник», затем, с 1876 по 1894, – сотрудник газеты «Новое время». Пробовал издавать собственную газету «Мирское слово» (1878–1879 годы). Издал двухтомник «Путеводитель по России» и несколько книг о славянских народах, а его «Путеводитель по Санкт-Петербургу» выдержал несколько переизданий.

После возвращения в Пермь в январе 1894 года Р. С. Попов служил в городской Думе и управе. Долгое время он был секретарем Пермского губернского статистического комитета – одного из важных культурно-просветительских центров губернии. Именно от него материалы о строительстве в Перми городской электростанции попадали на стол к А. С. Попову.

Большой опыт работы позволил Рафаилу стать редактором неофициального раздела «Пермских губернских ведомостей». Совместно с М. Я. Поповым подготовил хронологическую справку «Пермские городские головы»³.

Анализируя судьбы родственников Александра Попова, следует отметить, что хорошее духовное образование и традиции вывели многих потомков священнослужителей на успешную жизненную стезю, позволившую каждому из них стать глубокой и интересной личностью, прославить и обогатить русскую землю.

¹ Д. Д. Сонина. «Александр Степанович Попов – наш земляк и наша гордость». Пермь, 2007.

² В. Сутырин, О. Лобанова «Еще неслышим глас продленный...». Екатеринбург, 2004.

³ Попов Рафаил Степанович, Пермский край: Энциклопедия, 1988.

ПОДРУЖИЛСЯ С МОЛНИЕЙ

Очередной год в Далматовском Духовном училище пролетел для Сашуры быстрее предыдущего. Однокашники уже не считали его за новенького, чаще брали с собой в игры и затеи. Учеба хотя и казалась его живому уму по-прежнему скучноватой и неинтересной, не требовала приложения стольких усилий и трудов, как в первый год. Рафаил теперь больше был погружен в собственные литературные труды, нежели обращал внимание на то, чем в свободное время занимается младший Попов. Словом, братья прожили второй далматовский учебный год в полном согласии с миром и с самими собой.

Весной из дома пришло известие, что после Великого поста Поповы выдали замуж вторую дочь – Марию. За кого? Конечно же, за того самого семинариста из Екатеринбурга Георгия Левитского, что гостил у Поповых прошлым летом. Не зря, видать, у Маши тогда чашка в руке дрожала. После свадьбы Георгий Игнатьевич принял священный сан. Теперь он священник, а она – матушка Мария Левитская и живет в городе Екатеринбурге, через который Сашура проезжает всякий раз, когда едет в бурсу и обратно.

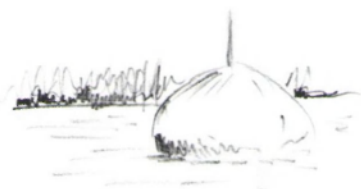
Вернувшись летом в Турьинские Рудники, братья обнаружили и другие изменения в семейном укладе. Собственно, новостей было две. Одна из них радостная: в семье родился еще один ребенок, на свет появилась Капочка, Капитолина. Другая новость Сашуру совсем не обрадовала: отец Василий Словцов, в мастерской которого он так любил проводить время, был назначен настоятелем церкви в Николае-Павдинском Заводе и уехал из поселка вместе с Катей. Малолюдно стало нынешним летом в доме Поповых.

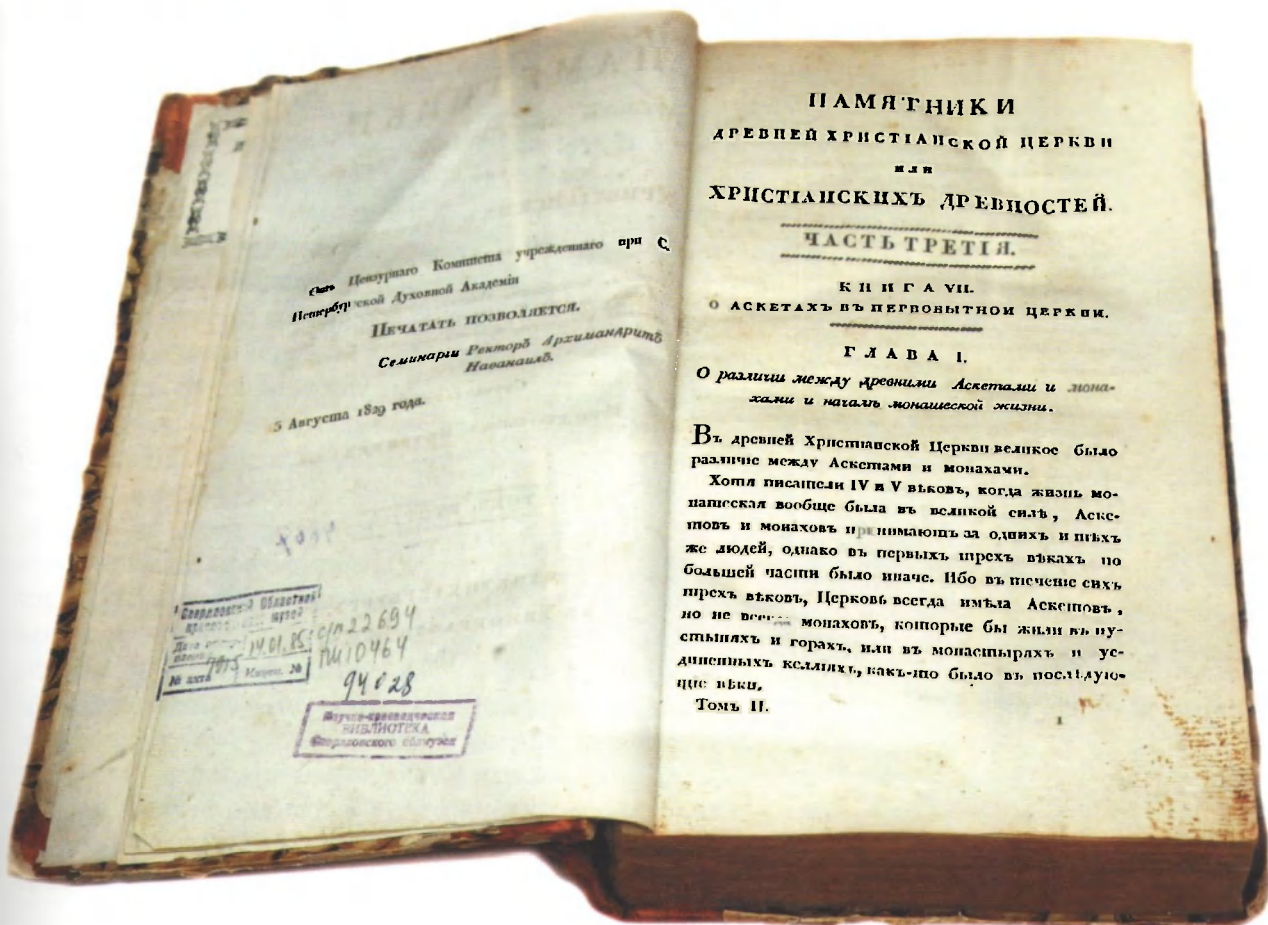
На семейном совете, который состоялся по приезду сыновей из Далматово, отец благословил поездку старшего в Санкт-Петербург для поступления в университет. За младшего же было решено хлопотать перед церковным начальством о переводе его в Екатеринбургское Духовное училище. И к дому поближе, и под родственным присмотром останется. Правда, дело это совсем непростое. Но надеялись на помощь новых родственников – Левитских. Свекор Марии Степановны, Игнатий Александрович, был в Екатеринбурге человеком известным и влиятельным.

Плохо, конечно, что нет рядом отца Василия и брата Рафаила, но Сашура скучать не умеет. Большую часть времени он проводит в чулане отцовского дома. Там он оборудовал собственную мастерскую, пусть не такую большую и богатую, как у отца Василия, но все, что требуется для гораздоного на выдумки мастерового, в ней есть.

...Услышав тихий стук, Николай Иосифович опережает горничную и сам открывает дверь в дом. На пороге, робко переминаясь, стоит юный попович.

– А, Саша, входи, – приветливо улыбается хозяин дома. – Я тебя ждал. Кстати, в следующий раз можешь не стучать: чего доброго, пальцы отобьешь! Просто нажми эту вот черную кнопочку, что снаружи, рядом с дверью, – и я сразу узнаю, что ты пришел.

– Как это? – недоумевает гость. – Как вы увидите, если я за дверью?

– Да, не увижу, – все так же улыбаясь, соглашается Куксинский. – Зато услышу. Как? А ты нажми кнопочку-то!

Подросток повинуется и тут же отдергивает руку от кнопки: дом оглашает громкая трель электрического звонка. Довольный произведенным эффектом, Николай Иосифович залиvisto хохочет:

– Ай да Сашура, ну молодец! Чего же ты испугался? Электрозвонки не кусается. Вот и загадка у меня родилась: не лает, не кусает, а хозяину сообщает. Здорово?

– Да, – соглашается Саша, и его глаза тут же загораются неподдельным интересом: – А как сие устройство работает?

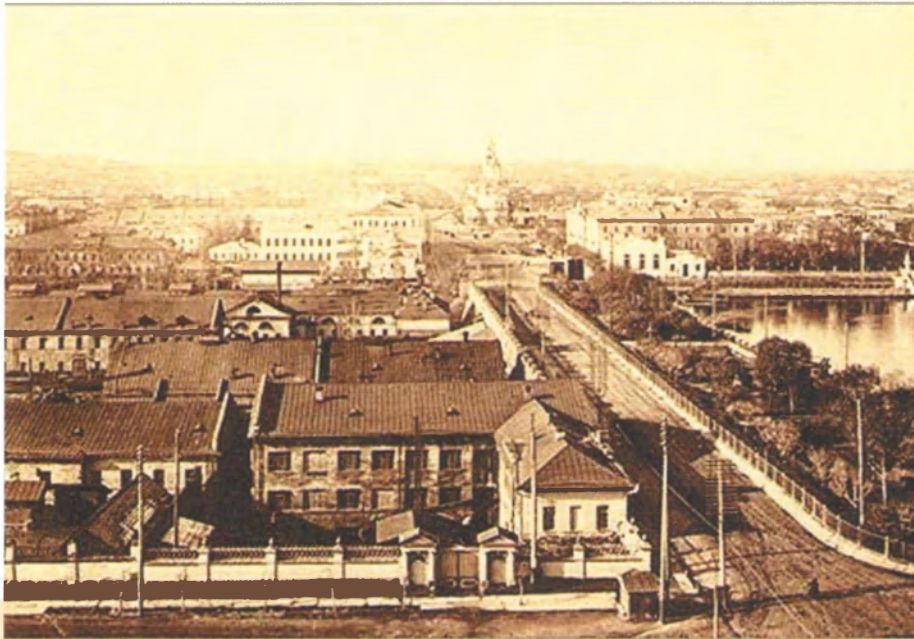
– Да ты входи, входи! – приглашает инженер. – Не на пороге же мы станем звонок потрошить. Вот сейчас чайку испьем...

– А можно чай потом? – просительно заглядывает попович в глаза взрослому. – Можно сейчас про звонок, а, Николай Иосифович?

Хозяин уступает настойчивости гостя, и их головы склоняются над устройством новинки: ее Куксинский только что привез из самого Санкт-Петербурга.

– Вот, Сашура, смотри, все просто: это – гальваническая батарейка...

«Памятники древней христианской церкви или христианских древностей». Том II. Санкт-Петербург, 1830 год. Из библиотеки священника И. А. Левитского

Екатеринбург, конец XIX века

– А почему так чудно называется: гальваническая?

– А это в честь итальянского ученого Луиджи Гальвани: он жил в прошлом веке. В этой батарееке специальные химические элементы. В них идут реакции – окислительно-восстановительные. В результате получается электрический ток.

– Ух ты! А звук откуда?

– Вот, смотри, чашечка металлическая, по ней быстро-быстро бьет этот вот молоточек. А двигаться его заставляет электроток: он приходит сюда, когда замыкаются контакты.

– А кто их замыкает?

– Вот ты как раз это и сделал. Когда нажал кнопку.

Саша уважительно осматривает свой палец, который только что совершил сие чудо, а затем переводит взор на Куксинского. Тот сразу же замечает пыливый огонек в его глазах.

– Что, небось, сам хочешь сделать такое же?

– Хочу! – выдыхает подросток, и его щеки заливает яркий румянец. – А можно?

– Ну, ты чудак! – ободряюще улыбается хозяин электрозвонка. – Не только можно: категорически нужно-с! А начнем мы вот с чего...

Конечно же, в те времена готовых электрических батареек не продавали: их, а точнее, их прообразы – гальваноэлементы – нужно было мастерить самим. Будущий электротехник Попов не успокаивается, пока сам не сооружает такой же звонок и элемент питания.

В дело идут обрезки проволоки и металла, которых было предостаточно в рудничных мастерских, бутылки с отбитым горлышком.

Итак, свой электрозвонка у юного поклонника Гальвани теперь есть, и он действует не хуже, чем тот, что в квартире Куксинских. Но этого Сашуре уже мало: копирование не его удел, в натуре подростка явно проклеваются ростки изобретательства. А почему бы не усовершенствовать звонок, сделать так, чтобы он подавал сигнал в строго определенное время?

На стене в одной из комнат дома Поповых висят старенькие ходики. К ним-то и подсоединяет Саша звонок. В роли одного из контактов – гиря этих ходиков. Другой контакт – проводок самодель-

ной батареи. Он прикреплен к линейке, где Саша нанес деления времени. Получается электрический будильник: опустившись до определенного уровня, металлическая цепочка замыкает электрическую цепь, и в строго установленное время часы своим звонком будят юного конструктора и всю семью Поповых.

Но иногда будильник начинает звонить невпопад. Случается это обычно во время грозы и даже при ее приближении. Почему?

Вот это-то и не может понять Сашура. Всегда приходивший ему на помощь Николай Иосифович тоже не в состоянии растолковать такой феномен. Совершенно очевидно: Сашин наставник немного огорчен тем, что не может помочь воспитаннику в объяснении причин явления – сам не понимает.

И лишь четверть века спустя, будучи уже известным исследователем, Александр Степанович сумеет объяснить суть замеченного в детстве явления. Более того, изобретатель поставит его на службу человечеству: электрический будильник Саши стал первым в мире «грозоотметчиком», принимавшим сигналы от единственного в то время передатчика – грозовой молнии.

Вот так и вышло, что изобретатель, вышедший из традиционной церковной семьи, с ее особенными, духовными воззрениями на жизнь и мироустройство, уже в пытливую пору своего отрочества подружился с молнией – малоизученным явлением материального мира. С тем, чтобы до конца своей недолгой жизни не расставаться, с исследованиями такого таинственного и прекрасного мира непознанных материальных явлений, как физика.

ЖИЗНЬ В ПРОМЫШЛЕННОМ РАЗРЕЗЕ

Сктеринбург встретил Сашу шумом, многолюдьем и совершенно другим ритмом жизни.

Ему снова пришлось привыкать к новым товарищам и преподавателям. Впрочем, влиться в коллектив было легко, сказывался опыт, приобретенный в Далматово. Конечно, и в этом классе были свои Колуны-забияки, но Сашура уже знал, чего от них ждать и как себя вести, чтобы не привлекать их скучающего внимания.

К семейному укладу Левитских, несмотря на радушный прием, ему тоже пришлось приспособливаться. Одно дело – жить вдвоем с братом, увлеченным написанием литературных зарисовок, и совсем другое – в большом семейном доме с прислугой и устоявшимися традициями.

Хорошо, что есть Маша. Она очень похожа на маму: такая же добрая и заботливая. Видно, что ей и ее мужу хорошо вместе. После вечернего чая все семейство собирается в гостиной за общей беседой, супруги садятся всегда рядом. Машины руки ловко снуют над пяльцами.

Новый зять нравится Сашуре, он много знает, с ним интересно поговорить не только на религиозные темы. Его любимый конек – природа, далекие страны, путешествия, экзотические обычаи.

И рассказывает он так заманчиво, так живо, что Сашуре кажется, будто он сам побывал в тех краях и видел все своими глазами. Отец Георгий нынче окончил Пермскую Духовную Семинарию и вернулся в Екатеринбург преподавателем Епархиального Училища при Ново-Тихвинском женском монастыре. Может быть, поэтому он напоминает Сашуре Рафаила.

Но какими бы яркими ни были впечатления от новых однокашников и нового дома, больше всего Сашуру поражает город. Он совсем не похож на размеренный и провинциальный городок

Далматов, с его узкими кривыми улочками и неспешными жителями. Здесь улицы широки, и по ним проносятся нарядные кареты, взметая клубы пыли. В городе много домов, построенных, как говаривал Николай Иосифович Куксинский, «на широкую ногу». Взять хотя бы новых родственников Поповых. Дом, в котором живут молодые Левитские и пристроен Сашура, тоже большой, с просторными комнатами и высокими потолками. И таких домов у Игнатия Александровича, Машиного свекра, целых три – один другого лучше.

*Московская застава
Екатеринбурга (сейчас –
перекресток проспекта
Ленина и ул. Московской).
Начало XX века*

Немудрено. В городе все стараются друг перед другом богатством и успешностью в делах похвалиться, вот и строят себе особняки с колоннами и балконами. Особенно купечество в этом преуспевает. И то верно: коли всем покажешь, что дела у тебя хорошо идут, значит, и покупателей будет побольше. Да не каких-нибудь там холщовоштаных, а настоящих, с деньгами.

Словом, город Саше нравится. Возвращаясь из училища, он старался выбирать разные маршруты, ходил по улицам, рассматривая товар, выставленный в лавках и магазинах, поражался невиданным

*Дом Левитских
в Екатеринбурге.
Первая половина
XX века*

в Далматово диковинкам. Например, выставленным на продажу механическим золоченым часам с вычурными фигурками из малахита и витой ковanej мебели, удивительным дамским шляпкам и кожаным саквояжам с причудливым тиснением.

Центральную улицу, которая называется Главный проспект, он полюбил за большой городской пруд. Его, как рассказывала Маша, построили специально вместе с железодельным заводом для технических нужд, а получилось красиво. Вот бы побывать еще на самом заводе! Уж там Саша наверняка увидел бы много интересных машин.

Недалеко от Главного проспекта раскинулась Кафедральная площадь, на которой высится Богоявленский собор – самый вели-

*Екатеринбург.
Начало XX века*

чественный из всех церквей в городе. А уж сравнить-то есть с чем: в Екатеринбурге великое множество православных церквей и даже один католический костел. И когда по улицам города в одно и то же время плывет малиновый звон колоколов с многочисленных колоколен, кажется, что в этот миг даже небеса разверзаются, давая путь разноголосому гимну, обращенному к Богу.

Но больше других мест Сашуру влечет Монетный двор, где чеканят медные деньги. А еще – ремонтные мастерские, гремящие и пыхтящие гораздо мощнее, чем их собратья в Турьинских Рудниках. На Монетный двор, конечно, не попасть – уж очень высокая каменная ограда вокруг него возведена: ни заглянуть, ни перелезть. И охрана на воротах, того и гляди, за шиворот схватит. Вон как рабочие, уходя со смены, перед ней карманы выворачивают. Не дай бог, какая медяшка в складках завалется.

Ну а в мастерские Сашура заглядывал почти беспрепятственно. Смотрел, как кузнецы работают, как строгают доски плотники, а столы сколачивают оконные рамы.

Правда, такие путешествия случаются нечасто. Маша не одобряет подобные прогулки: маленький, худенький бурсак, одиноко бродящий по улицам, может легко попасть в неприятную историю, встретившись, например, с учениками городского училища или хуже того – гимназистами. Таковы нравы большого города, в котором, в отличие от тихого Далматова, находятся несколько учебных заведений, вечно оспаривающих право на главенство. И все учащи-

еся – так уж повелось – должны защищать свою «кастовую принадлежность», доказывая свои преимущества кулаками.

В 70-е годы XIX века Екатеринбург был крупным городом с населением 25 тысяч человек, с большим количеством площадей, учебных заведений, музеем и старейшей на Урале Центральной казенной библиотекой. Здесь находилось более 50-ти православных и единоверческих храмов и Ново-Тихвинский женский монастырь.

Числясь в составе Пермской губернии уездным городом, Екатеринбург к моменту приезда нашего героя превратился в крупный торговый и финансовый центр Среднего Урала. Местные купцы не только вели успешный бизнес на ближайших территориях, но и контролировали большую часть российского рынка драгоценных металлов и самоцветов.

И к 70-м годам XIX века Екатеринбург был переведен из горного ведомства в гражданское. Здесь жили люди с высшим образованием, работавшие в горнозаводской промышленности и других областях производства. Многие из них интересовались вопросами науки, занимались научными исследованиями.

*Екатеринбург.
Начало XX века*

В 1870 году по их инициативе было создано Уральское общество любителей естествознания. Все Екатеринбургские епископы являлись почетными членами этого общества¹. Среди членов общества было много лиц духовного звания, в том числе муж Марии Степановны, священник Георгий Игнатьевич Левитский.

Отец Георгий Левитский всю жизнь занимался просветительской деятельностью, внес большой вклад в создание музея общества любителей естествознания (УОЛЕ). После преждевременной смерти жены (Мария Степановна умерла в 20 лет) иерей Георгий Левитский принял обет безбрачия и, будучи корабельным священником, в 1894–1896 годах побывал в нескольких кругосветных путешествиях. Оттуда он привез большую коллекцию бытовых и культовых предметов и все собранное подарил позднее Екатеринбургскому городскому музею.

Согласно статистике, во второй половине XIX века в Екатеринбурге было семь модных дамских магазинов и 132 дамские мастерские. 122 портных обшивали мужское население города, 286 сапожников и башмачников и 20 пимокатов обували екатеринбуржцев. Помимо этого, город обладал разветвленной торговой сетью, по-

¹ М. И. Радовский «Александр Степанович Попов. 1859–1905». – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

*Дом Левитских
в Екатеринбурге.
Ныне – Музей радио
им. А.С. Попова*

ставлявшей готовую обувь и платье, меха и полотняный товар. Разброс цен был значительный. «Тибетские меха», например, можно было приобрести за 45–60 рублей. А вот кальсоны были дешевы – 90 копеек, еще дешевле съёмные «воротнички и рукавички» – 15 копеек.¹

Уже упоминавшийся нами Д. Мамин-Сибиряк писал о горнозаводском Урале: «Это было настоящее государство в государстве... тут были свои законы, свой суд, свое войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения». И столицей этого государства был Екатеринбург. «Ведь он как в отношении внешности, так и по развитию и характеру общественной жизни далеко оставлял в хвосте за собою большинство российских губернских городов».

А другой известный уральский писатель Павел Бажов в конце своей жизни так вспоминал город («Дальнее-близкое»): «На одном из центральных проспектов каменные дома с невиданными раньше колоннами, с тротуарами из широких плит привели в восторг. А убогий вид одной из окраинных улиц «с покосившимися домами» «на заболоченной низине» вызвал недоумение».

Образовательные учреждения в Екатеринбурге были также представлены полным спектром. Один только факт существования в городе женской гимназии свидетельствовал о его высоком социальном развитии. В Екатеринбургском Духовном училище можно было получить лучшую подготовку, нежели в Далматово. Поэтому

¹ Иван Дружинин «Парижский шик», ж. «Родина», № 77, 1998.

не будет преувеличением заметить, что семейные обстоятельства сослужили для Александра очень хорошую службу.

Молодожены Левитские жили в деревянном одноэтажном доме на пересечении улиц Златоустовской и Малаховской (теперь это улицы Р. Люксембург и Ф. Энгельса: в этом доме сегодня расположен Музей радио). Здесь, под присмотром сестры, Саша и завершал курс начального образования, одновременно самостоятельно изучал математику и другие точные науки.

Днем занятия в бурсе заканчивались около часу дня. Потом по принятому в училище регламенту для бурсаков с 14.00 до 17.00 длилось свободное время, после которого, с 17.00 до 21.00, они обязаны были готовить уроки, находясь по месту проживания – неважно, в общежитии или на ученических квартирах. Выполнение этого порядка строго проверялось учителями и надзирателями. С нарушителями назавтра строго беседовал инспектор. Таких проверок ученики боялись и старались не попадаться. Но если юный Попов жил у Левитских, его прилежание вряд ли проверялось: все же чин хозяина дома Игнатия Александровича, служащего училищного правления, не позволял думать, что его родственник пренебрегает правилами. Тем не менее вечером Сашу-ра усердно сидел за книжками положенные четыре часа с получасовым перерывом – иначе откуда круглые пятерки¹.

ОЧИЩЕНИЕ «ВНУТРЕННИХ СТКЛЯНИЦЕВ»

На город опускается вечер. Сашура вместе с Левитскими возвращается из храма, где служили обедню в неделю мытаря и фарисея. Подросток задумчив:

эту притчу он, конечно, давно знает, но сегодня в проповеди настоятеля Преображенской церкви как будто открыл ее заново. И оказалось, что она не просто о скромности, а о вещах гораздо более серьезных – о гордости и покаянии.

История внешне очень проста. «Пришли в церковь фарисей и мытарь. Фарисей, который не прелюбодействовал, не присваивал себе ничего чужого, никогда ничем не нарушил закон, десятую часть того, что имел, отдавал на храм, постился, назубок знал Священное Писание, целые часы посвящал молитве, сказал: «Благодарю Тебя, Господи, что я не как прочие, вот эти человеки, которые воруют, прелюбодействуют. Спасибо Тебе, Господи, что я такой замечательный человек, что я человек с большой буквы, я гораздо лучше, чем этот презренный мытарь». Мытарь же, что стоял рядом,

¹ В. Сутырин, О. Лобанова «Еще неслышим глас продленный...». Екатеринбург, 2004.

*Екатеринбургский священник
Георгий Левитский, супруг
сестры А.С. Попова*

*Мария Левитская,
родная сестра
А.С. Попова*

бил себя в грудь и не мог от стыда даже глаза на небо возвести, но смотрел в землю и говорил: «Боже, милостив буди мне, грешному». И вдруг Господь говорит, что фарисей будет перед Его лицом менее оправданный, чем всеми презираемый мытарь, который был и жаден к деньгам, и обкрадывал свой народ»¹.

«Нет на свете вещи более мерзопакостной, чем фарисейская молитва, и нет более омерзительного состояния человеческой души, чем гордость», – вспоминает Сашура слова священника и мысленно соглашается с ним: – Гордыня, надменность – главная и худшая страсть, потому что именно из-за нее ниспал с неба диавол, бывший некогда светлой денницей».

А ведь как легко, оказывается, в гордыню впасть! Вот третьего дня, когда отец Георгий купил в лавке электрический звонок, а как пристроить его в дело не знал, Сашура ему все объяснил и расска-

¹ «Проповедь в неделю о мытаре и фарисее», протоиерей Димитрий Смирнов, сайт [Завет.ру](http://zavet.ru).

зал – он-то со звонком давно знаком. И, положив руку на сердце, сейчас признается себе, что горд был в тот момент собой просто невероятно. Ну как же – поучил уму-разуму взрослого человека – преподавателя, священника! Боже, милостив буди мне, грешному. Правду батюшка говорил: способному легче в грех впасть, стало быть, и сторожиться этого надо больше всего.

– Что пригорюнился, шурин? – Сашура почувствовал на своем плече руку зятя. – Сейчас придем, чаю попьем, в шахматы сыграем. Снова, поди, меня обыграешь?

– Сыграем, – кивает Саша, а сам думает с почти мистическим замиранием: вот уже и проверка твердости моих намерений, Господь милостив. – А кто из нас победит, отец Георгий, – уж как получится.

В ожидании вечернего чая и последующих шахмат Сашура присел к столу, выделенному ему для приготовления уроков, взял в руки почтовую карточку, полученную вчера из дома, и опять задумался. Шурин-то его, отец Георгий, когда внимательно слушал его рассказ о действии электрического звонка, ведь знать не знал и не подозревал даже, какое чувство гордости накатило в тот момент на его малолетнего родственника. Да он, пожалуй, и не узнает никогда. А все равно Саше стыдно.

Потому надо ему не только исправить свой внешний вид, поступки и речи, но – что гораздо важнее – очистить «внутренние стекляницы» своей души. Можно научиться прилично вести себя в обществе, но это не значит еще быть оправданным Богом. Ему важно то, что у нас внутри, какие мы по своей сути.

Эх, плохо, что нет сейчас рядом Рафаила. Отец Георгий, конечно, очень хороший, и Маша просто чудо, но Сашура все же скучает по остальным родным, по дому.

Выдвинув ящик стола, он достает чистую почтовую карточку, обмакивает перо в чернила и выводит ровным, красивым почерком:

«Любезные мои Папа и Мама! Письмо Ваше, посланное Отцом Петром, я получил 13-го числа Января. Желаю Вам здоровья и всего хорошего, благодарю за гостинцы: Поцелуйте за меня Анюточку, Авгочку, Нюрочку и Капочку. Поклонитесь от меня Василию Петровичу и Катичке. Остаюсь здоров. Любящий Вас сын. А. Попов».

Завтра он отправит эту весточку в далекие Турьинские Рудники, где батюшка с матушкой обязательно ей обрадуются и будут читать вслух. А когда вечером в родительском доме соберутся старые и новые знакомые, за чаем разговор зайдет и о нем, о Саше. И он почувствует это будучи здесь, в Екатеринбурге. Ведь это только для телеграфа нужны провода, а для родительской любви они не требуются: та летит без преград и остановок.

*И*менно здесь, в Екатеринбурге, мальчик «с нежной худенькой фигуркой, с беленькими волосами и нежно-розовым цветом лица», каковым он был еще недавно в Турьинских Рудниках, ста-

новится подростком, начинающим задавать себе и окружающим религиозно-нравственные вопросы уже другого, не детского уровня. Вероятно, именно здесь окончательно сформировались основы его личности. Именно здесь он понял, что математика ему гораздо интереснее, нежели богословские науки.

Судя по сохранившимся данным – а их очень мало, – большую часть времени он проводил в библиотеке или дома, рядом с родственниками. Кстати, в 1860-е годы в городе открылась первая частная библиотека. И хотя ученикам Духовного училища не разрешалось ею пользоваться, Саша, живя у сестры, находился в выгодном положении по сравнению с другими: для него книги в библиотеке брала Мария Степановна. Еще Саша, как и в Далматово, любил кататься на коньках по замерзшей Исети, путешествовать по городу, набираясь новых впечатлений.

Мы не нашли ни одного упоминания о друзьях или приятелях, бывших рядом с ним в этот период, хотя впоследствии у Александра Степановича было немало близких людей и единомышленников. Можно предположить, что грубая, лишенная нормальных человеческих чувств бурсацкая среда все же наложила отпечаток на его взаимоотношения со сверстниками. И здесь он, как минимум, научился постоять за себя.

Что касается характеристики учебного заведения, где Сашуре пришлось учиться, то, по воспоминаниям современников, Екатеринбургское Духовное училище было типичной бурсой со всеми присущими ей чертами. Училище было учреждено в 1833 году

*Екатеринбург. Аллея
в Харитоновском саду.
Начало XX века*

при Преосвященном Евлампии – первом Екатеринбургским епископе, викарие Пермской епархии. В нем готовили юношей, которые помогали во время церковной службы, – псаломщиков, певчих, алтарников, иподьяконов. Те из них, кто захотел стать священниками, после окончания училища должны были поступать в семинарию.

В 1858 году при Преосвященном Ионе (Капустине) на средства купца В. С. Клущина в училище

устроена домовая церковь, освященная в честь Казанской иконы Божией Матери.

Богослужения там совершали священники из преподавательской корпорации. А помогали им в проведении служб воспитанники училища.

Растянутый вширь монастырский комплекс, со многими, похожими на башкирские малахаи, куполами, смотрел на город с юго-западной возвышенной части. За белой каменной стеной летом буйно зеленела монастырская роща. От фасадной стены и главных ворот вниз к дороге сбегал широкий откос монастырского огорода. На подъезде к монастырю со стороны Александровского проспекта стояло двухэтажное здание епархиального училища, что закончила Мария Попова. Вдоль дороги, ведущей в Челябинск, постепенно велась застройка: сначала появился странноприимный дом (гостиница для паломников), а позже – и сам трехэтажный корпус училища.

На старой фотографии здание бурсы выглядит монументально. Здесь располагались домашняя церковь, учебные классы, помещение для проживания казеннокоштных учеников¹, возможно, квартиры учителей и инспектора².

В учебном корпусе была организована библиотека с читальным залом, богатым фондом святоотеческой духовной литературы, учебных пособий, справочно-энциклопедической литературы. Екатеринбургское Духовное училище располагало собранием редких рукописных и старопечатных книг XVI–XX веков. Наиболее ценные издания – «Октоих», напечатанный в Москве в 1594 году, и «Апостол» 1597 года московского же издания.

Именно эту бурсу, правда, в разные годы окончили, кроме Александра Попова, писатели Дмитрий Мамин-Сибиряк и Павел Бажов. Более того, потом, с 1899 по 1908 год, Бажов здесь даже преподавал.

Отчетные документы Екатеринбургского Духовного училища донесли до нас результат итоговой аттестации воспитанника Александра Попова – он выпущен «по 1 разряду». Лучше не бывает!

После законных каникул-вакаций, в августе 1873 года Саша Попов экзаменовался в Перми на право быть учеником 1-го клас-

Екатеринбургское Духовное Училище. Начало XX в.

¹ Немущих, учившихся бесплатно.

² В. Сутырин, О. Лобанова «Еще несльшим глас продленный...». Екатеринбург, 2004.

са Пермской Духовной Семинарии. И тоже успешно – он оказался единственным (!) из тридцати четырех принятых, кто получил высший балл.

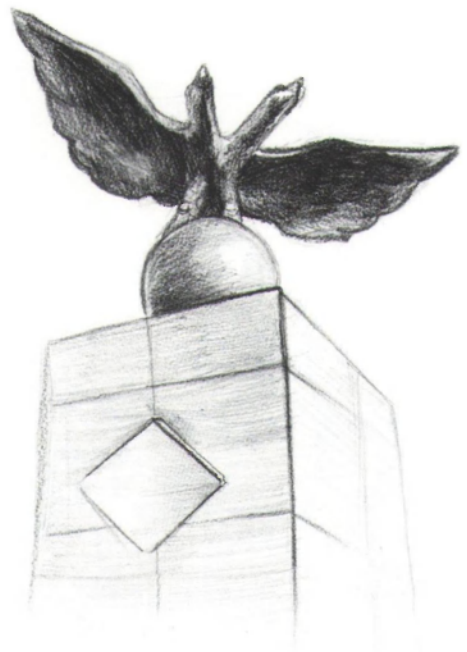
Но это у него еще впереди. Губернский город Пермь расположен по другую сторону каменного хребта Уральских гор, в Европе, где Сашура еще ни разу не бывал. Как-то сложится там его судьба?

*Екатеринбургское
Епархиальное Училище.
Начало XX века*

ПЕРМЬ

**Земля родная,
дай мне силы!**

ОСОБЕННОСТИ.

Мерская пристань на Каме.

Издана в Перми в 1898 году в типографии "Свобода".

63

Фабр. и Заводи.	Стомобильно.
Промышленная Аппаратура.	Рыболовство.

Города:

1. ПЕРМЬ.	2. Свляжамскъ.	3. Чердынь.	4. Оханскъ.	5. Оса.	6. Шадринскъ.	7. Кушугуръ.	8. Крайнеуфимскъ.	9. Е. Кагеринбургъ.	10. Камыш. товъ.	11. Ирбитъ.	12. Верхотурье.
-----------	----------------	-------------	-------------	---------	---------------	--------------	-------------------	---------------------	------------------	-------------	-----------------

Пчеловодство.	Солонны Барницы.
Монетный дворъ.	Средовенно золотые и другіе рудники.

Морская вольная торговля.

План Перми. 1898 год

**«ПЕРМЬ НА МАТУШКЕ СВЯТОЙ РУСИ
НЕ ПОСЛЕДНЯЯ СПИЦА В КОЛЕСНИЦЕ»
(Н. Мельников-Печерский)**

Как хороша Пермь, утопающая в золоте осенней листвы, накрытая хрустальным куполом прозрачно-голубого неба. На городской площади перед Спасо-Преображенским кафедральным собором прогуливаются горожане, любясь видом широко раскинувшейся под обрывом Камы. По серой глади воды далеко разносится гулкий звон колоколов. Бьют к обедне.

Четырнадцатилетний подросток Александр Попов изумленно застыл, пораженный величием реки. Судходный сезон подходит к концу, баржи и буксиры, нагруженные так, что вода плещется едва ли не у самых бортов, старательно пыхтя, везут к югу последние в этом году тонны железа, гвоздей, соли и леса. С низовьев тянутся баржи с яблоками, арбузами, зерном.

Александр стоит на самом краю крутого берега, ветер треплет его светлые волосы, в глаза бьет солнце, отражающееся от водной глади. Чуть позади, справа от него, высится кафедральный собор, слева раскинулось трехэтажное здание Пермской Духовной Семинарии. Вот тут, на берегах могучей реки, под колокола здешних звонниц, предстоит ему в ближайшие годы постигать духовные и естественные науки. Конечно, последние влекут его гораздо сильнее, о чем он откровенно и сказал батюшке перед отъездом.

– Ну что, Сашура, сколько лет будешь в Перми учиться? – спросил тогда отец. – Все шесть, чтоб сан священный принять, или только четыре, а дальше в столицу, в университет? Время принять решение еще есть, но, думаю мне, что ты для себя уже все понял...

– Не твердо еще мое слово, батюшка. Знаю только, что душа моя к наукам больше тянется, механизмы и явления природы мне интереснее и занимают все мои мысли. Математика гораздо боль-

ше меня влечет. А как я могу сан принять, коли не о молитве, да о службе думаю, а все решаю, как это может орел, не взмахнув ни разу крыльями, часами в воздухе парить.

– Ну, на том и порешим, коли так, – вздохнул отец. – На все, сынок, воля Божья, и талант тебе тоже Господом дан, не нам ему супротивиться. Одно только обещай, что все дела свои, будешь посвящать Богу и Отечеству нашему.

– Благослови, батюшка, – Сашура приложился к отцовской руке, почувствовал приятный запах ладана, идущий от его старой рясы, представил Турьинские Рудники, где провел он, наверное, самые беззаботные и счастливые годы, старенькие домишки рабо-

*Пермь. Городские
пристани на Каме.
Начало XX века*

чих, улицу Катущечную, по ней зимой можно скатиться вниз до самой Турьи, вспомнил друзей детства, с которыми строил на берегу подъемную машину. Почему-то показалось, что именно сейчас он прощается со своим безмятежным детством, со всем, что ему дорого и близко. В носу защипало, к горлу подкатил ком...

– Ну, ничего, ничего, сына, – отец, почувствовав его состояние, приободряюще похлопал его по спине. – Это все, – отец обвел рукой вокруг, – в памяти твоей сохранится, и, если ты захочешь, оно всегда с тобой будет. В печали, в радости, при удаче или в трудные времена ты сможешь черпать из этих мест силу и вдохновение. Даже если приезжать сюда будешь редко. Память сама тебя найдет.

*Улица Петропавловская, 71.
Дом, в котором А. С. Попов
жил в Перми (не сохранился)*

И речка, и лес, и мастерская Василия Петровича, и церковь турьинская, и дом родной навсегда в сердце останутся. Земля наша, уральская, богата не только золотом, медью и камнями самоцветными, она еще и людей талантливых родит.

Сейчас, стоя на камском берегу, Саша вспомнил отцовские слова. Чужбина не чужбина, но губернский город Пермь ему совсем незнаком. Нет здесь, как в Далматово, Рафаила или, как в Екатеринбурге, – сестры Машеньки, царство ей небесное. Вообще близких родственников нет. Словом перебраться не с кем, не то что обсудить что-то.

Впрочем, жаловаться грех. Петр Михайлович Лавров, пермский купец, что приютил Сашу по просьбе его родителей у себя в доме на время учебы, – человек хороший, и семья у него дружная – Сашу тут за своего держат. Да и одиночество совсем не тяготит. Наоборот, он любит эти минуты уединения, когда ничего не мешает ходу его мысли. Еще с Далматово юноша научился быть себе самым лучшим собеседником и другом. А из Екатеринбурга привез привычку думать, прогуливаясь по городским улицам. Сейчас он так же осваивает Пермь.

От дома купца Лаврова, где квартирует юный Попов, до семинарии рукой подать: несколько кварталов по Петропавловской, потом, свернув налево, еще несколько вверх по крутой Кунгурской. А можно и сразу подняться к реке по улице, своим названием так напоминавшей недавние времена – Далматовской, – и идти вдоль берега, вдыхая речной осенний воздух, прислушиваясь к далеким крикам грузчиков на пристани. Есть еще один маршрут – дворами, так короче, этим путем Сашура пользуется в том случае, если опаздывает на занятия. Но такое редко бывает.

Из семейного альбома

*г. да.
в афен.*

Петр Михайлович Лавров

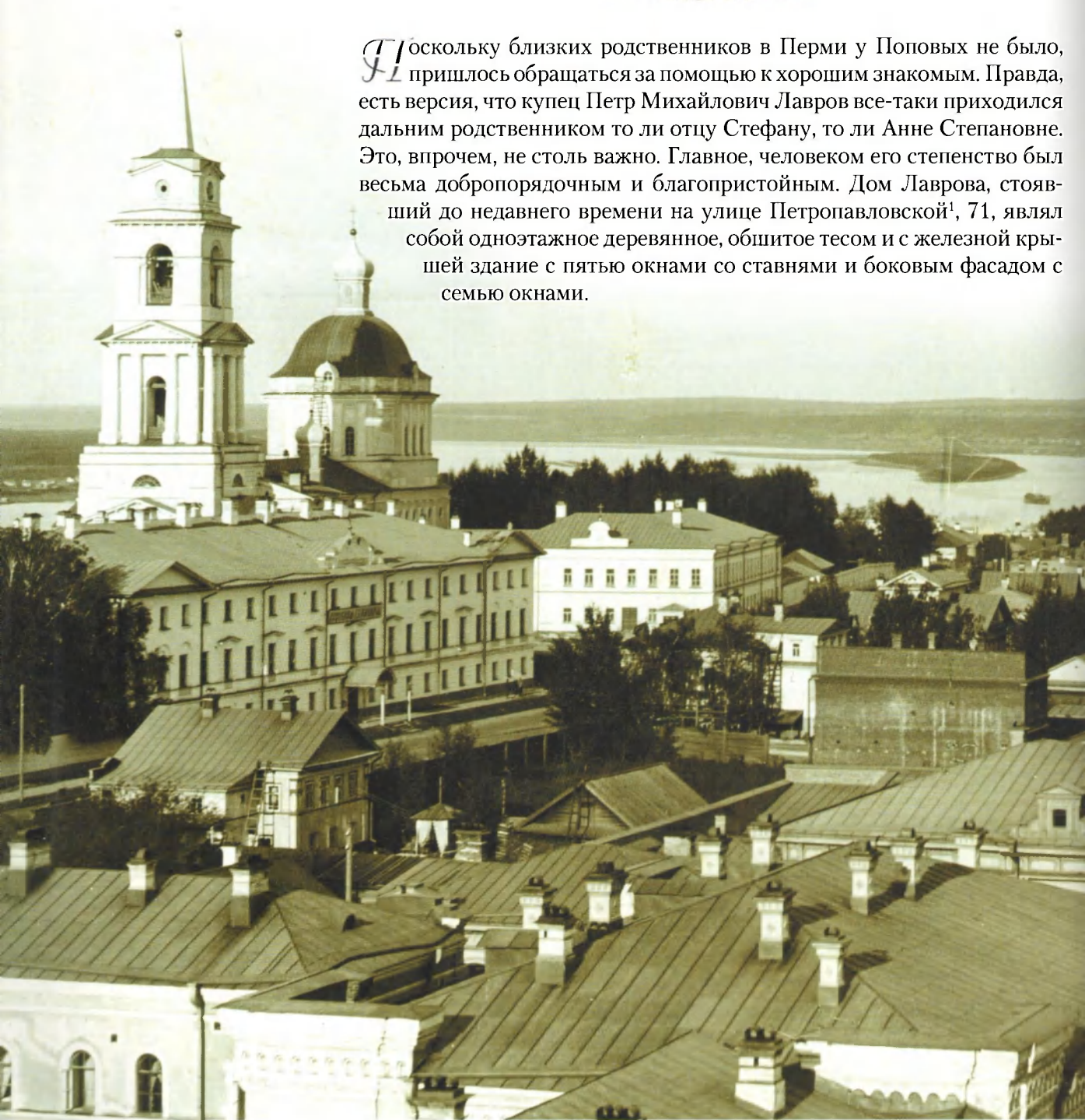

А. А. Кушнин **ПЕРМЬ.**
КНИГОРЪДЪ-1880

*Измаил Петрович Лавров
с женой Серафимой Дмитриевной.
Пермь, конец XIX века*

Пройдет немного времени, и Александр Попов освоится в новом городе, найдет в среде семинаристов друзей и единомышленников, сделает здесь много интересных для себя научных открытий и даже придумает несколько новых изобретений.

Поскольку близких родственников в Перми у Поповых не было, пришлось обращаться за помощью к хорошим знакомым. Правда, есть версия, что купец Петр Михайлович Лавров все-таки приходился дальним родственником то ли отцу Стефану, то ли Анне Степановне. Это, впрочем, не столь важно. Главное, человеком его степенство был весьма добропорядочным и благопристойным. Дом Лаврова, стоявший до недавнего времени на улице Петропавловской¹, 71, являл собой одноэтажное деревянное, обшитое тесом и с железной крышей здание с пятью окнами со ставнями и боковым фасадом с семью окнами.

¹ После октябрьского переворота была переименована в Коммунистическую, а ныне снова стала Петропавловской.

Поступив в семинарию, Александр Попов сразу зарекомендовал себя способнейшим учеником. Успешно занимаясь по всем дисциплинам, он буквально пристрастился к точным наукам и так усердно их изучал, что получил среди семинаристов прозвище «математик».

Что знал тогда о Перми юный Александр Попов? Этот город был для него очередным местом учебы, пожалуй, самым неизвестным и величественным из всех, где он жил раньше. Чуть позже он узнает о Перми многое и полюбит ее.

А пока мы с вами познакомимся с губернским городом поближе.

Город был основан в 1723 году, хотя первое упоминание о пермских поселениях относится к XVII веку: в переписных книгах воеводы Прокопия Елизарова 1647 года о поселении записано – «починок на Каме». В отказных книгах на Строгановские вотчины в 1692 году это селение уже называется деревней Егошихой.

В 1780 году появился указ Екатерины II о том, что в связи с выгодным положением Егошихинского завода и способностью «для

*Вид с пожарной колокольни на Спасо-Преображенский кафедральный собор и Духовную Семинарию.
Пермь, конец XIX века*

*Дом губернатора
на ул. Сибирской.
Пермь, конец XIX века*

учреждения в нем губернского города предписываем вам город губернский для Пермского наместничества назначить на сем месте, переименовав оный Пермь...».

В октябре 1781 года состоялось торжественное открытие наместничества и города Перми, сопровождаемое пышной церемонией со звоном колоколов и пушечной пальбой. А через 16 лет, в 1797 году наместничество было преобразовано в губернию.

Самая известная и старая улица города – Сибирский тракт, заканчивающийся Сибирской заставой, – была проложена и «введена в эксплуатацию» задолго до узаконивания самого города, в 1733 году. В XIX веке, по данным земства, по Сибирскому тракту ежегодно проезжало до 200 тысяч пассажиров, до 18 тысяч арестантов, перевозилось свыше десяти миллионов пудов товара, проезжало 530 тысяч подвод.

Исследователи считают, что по Сибирскому тракту прошло на каторгу не менее 1,5 миллиона человек. По этой дороге проехали многие знаменитые люди России: декабристы, А. Н. Радищев, И. А. Гончаров, Н. П. Пржевальский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. П. Чехов и другие.

Сибирский тракт, как гужевая дорога, соединявшая европейскую часть России и Сибирь, сохранял свое значение вплоть до строительства Транссибирской железной дороги.

Другая особенность города, которая так поразила воображение Александра Попова, конечно, река Кама, в переводе на русский язык значит «большая вода». Некоторые прикамские патриоты даже настаивают на том, что именно ее стоит считать главной рекой России, ссылаясь на то, что, во-первых, объем воды, который несет Кама, гораздо больше, чем объем воды Волги в месте слияния. А во-вторых, на то, что расстояние от истока до устья (до места слияния двух рек) у Камы значительно больше. Поэтому и в Каспийское море, на самом деле, впадает Кама, а не Волга. Конечно, все это только с точки зрения измерений, мы же не будем оспаривать исторически сложившийся постулат о том, что Кама – это крупнейший приток Волги. Этот факт ничуть не умаляет ее мощи и значения для Урала и России в целом. Ведь сколько грузов перенесли для пользы людской ее воды.

*На улице Перми.
Начало XX века*

Первые пароходы на Каме появились весной 1819 года, а спустя 27 лет открылось «Пермское пароходное общество», построившее деревянный буксирный пароход в 60 лошадиных сил для плавания в камских водах, который назвали «Пермь».

В 1858 году пароходное общество «Кавказ и Меркурий» установило срочное пассажирское сообщение между Пермью и Нижним Новгородом, а потом вверх по Каме, до Усоля. Как писал в своем путеводителе Л. Горшенин, «берега многоводной, но малооживленной и довольно пустынной реки закипели жизнью». К моменту приезда Саши в Пермь на Каме было уже 43 парохода, из них 12 пассажирских, 6 буксирно-пассажирских и 25 буксирных.

Купеческое предпринимательство и широкие торговые связи развивали экономику стремительными темпами. В губернском городе селились многочисленные купцы, Пермь стала резиденцией

*Ул. Монастырская,
дом Мешкова.
Пермь, конец XIX века*

Из семейного альбома

Г. да.
в архив.

Групповая фотография. Стоят А. С. Попов, П. М. Лавров и Степа Попов.
Сидят: Раиса Алексеевна Попова с сыном Александром, Маргарита
Ижевская, Анна Степановна Попова (Ижевская) с сыном Николаем,
Екатерина Николаевна (теща А.С. Попова).

местного чиновничества, торговым центром и важным речным портом, «с берегов которого знатное количество судов с разными припасами отправлялось».

Промышленность Перми была представлена вполне современными по тем временам предприятиями. В 1858 году построен Судомеханический завод; в 1871 году – первый в России фосфорный завод Е. К. Тупицына. Были в Перми бумажная фабрика Нечаева и многочисленные кустарные предприятия и заведения. К этому времени прямо под боком у тогдашней Перми, в Мотовилихе, вырос самый настоящий гигант машиностроения середины девятнадцатого века. Сначала рядом со старым медеплавильным построили сталепушечный завод, а год спустя – чугунопушечный. В 1871 году они были объединены в одно предприятие – «Пермские пушечные заводы», которое до конца XIX производило орудия, по праву считавшиеся лучшими в мире.

Писатель Н. Мельников-Печерский, работавший преподавателем в пермской гимназии, оставил о городе следующие воспоминания: «Пермь построена правильнее Нью-Йорка. Ровные большие кварталы, прямое и параллельное направление улиц бросаются в глаза при первом взгляде». Строительство в Перми заводов и фабрик вызвало приток рабочей силы, за счет которой увеличилось население города. Если в начале XIX века в Перми проживало около 4 тысяч человек, то к концу его число жителей возросло до 28 тысяч.

Пермь в середине 19 века – культурная столица. Уже в июле 1863 года здесь появляется уличное керосиновое освещение. А первый музыкальный спектакль в городе был показан еще в 1806 году, в 1821 году состоялось театральное представление, которое дали актеры промышленников Всеволожских и Строгановых. В 1870 году в Перми открылся оперный театр. Работает Научно-промышленный музей, созданный по инициативе городской интеллигенции¹.

Пермь на всю жизнь оставила неизгладимый след в душе ученого. Вот что пишет Д. Д. Сони́на в книге «Александр Степанович Попов – наш земляк и наша гордость», приводя дословные воспоминания Надежды Андреевой, правнучки ученого: «Любимым летним отдыхом отца были большие прогулки пешком или в лодке. Выросший на реке Каме, он сохранил свою любовь к воде и рыбной ловле на всю жизнь!»

И ЗА УЧИТЕЛЕЙ СВОИХ...

В коридорах семинарии тишина – идут уроки. В одном из классов у доски мается семинарист, видимо, не из самых успевающих. Он решает задачу: требуется узнать, какую силу необходимо

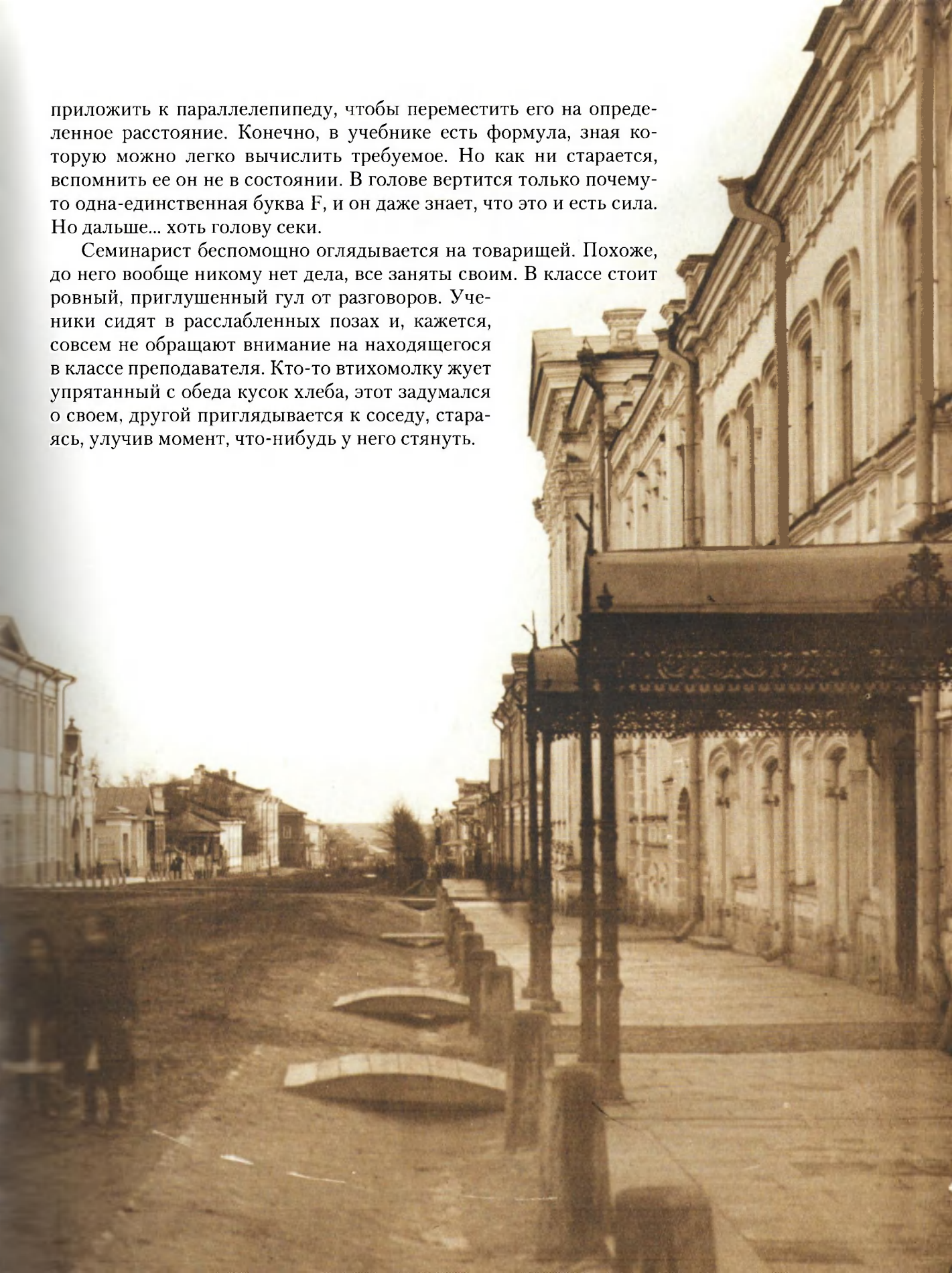

*Богородицкая церковь на ул. Покровской
(ныне ул. Ленина). Пермь, начало XX века*

приложить к параллелепипеду, чтобы переместить его на определенное расстояние. Конечно, в учебнике есть формула, зная которую можно легко вычислить требуемое. Но как ни старается, вспомнить ее он не в состоянии. В голове вертится только почему-то одна-единственная буква F , и он даже знает, что это и есть сила. Но дальше... хоть голову секи.

Семинарист беспомощно оглядывается на товарищей. Похоже, до него вообще никому нет дела, все заняты своим. В классе стоит ровный, приглушенный гул от разговоров. Ученики сидят в расслабленных позах и, кажется, совсем не обращают внимания на находящегося в классе преподавателя. Кто-то втихомолку жует упрятанный с обеда кусок хлеба, этот задумался о своем, другой приглядывается к соседу, стараясь, улучив момент, что-нибудь у него стянуть.

Учительская корпорация Пермской дух. Семинарии
в 70-е годы.

203

1406. I $\frac{A. B.}{B. P. I.}$

Серг. Пермиков Музей им. Н. К. Серебряникова
1906, Санкт-Петербург

Учительская
корпорация Пермской
Духовной Семинарии,
1870-е гг.

Сам физик, видимо, тоже утомленный скукой собственного урока, задремал прямо за учительским столом. Лицо его, одутловатое, неприятного землистого цвета, с красным носом и пятнами на скулах, сейчас безвольно расплылось, челюсть отвисла.

– Ну, что ж, господин семинарист, – раздается вдруг голос преподавателя физики Пухова, – с вами все понятно, можете садиться на место.

Отвечающий, обрадованный внезапным окончанием мучений и слегка удивленный, отправляется на место. Остальные ученики тоже удивлены: им-то видно, что Пухов даже не просыпался. Кто же тогда отправил на место горе-ученика?

А! Так ведь это Данила по прозвищу Говорящий Попугай. Он так умело может подражать голосам животных и птиц, что просто не отличить. Иногда он передразнивает товарищей. Но изображать

преподавателя – такого еще не было. Вот это да! Ну и нагорит же ему, если все вскроется.

На какое-то время в классе устанавливается выжидательная тишина: что-то будет. Но секунды текут одна за другой, и ничего не происходит. Внезапно голова учителя резко падает вниз. Со стороны он на мгновение стал похож на петуха, который долго рассматривал червяка в земле и, наконец, прицелившись, склонил его. Пухов просыпается, обводит класс мутным взором, замечает, что у доски никого нет. По его лицу видно, как медленно и мучительно в его голове ворочаются мысли. Учитель не может понять, в какой момент урока он отключился и чем, собственно, сейчас заняты его подопечные.

Класс давится от смеха. Соседи тычут в бок «пародиста», дескать, все обошлось, давай и дальше в том же духе, ты – герой. А у того все внутри переворачивается от волнения: а ну как проснувшийся Пухов поймет, что вокруг происходит что-то не то. Он кусает себе пальцы, чтобы не выдать себя смехом ли, криком ли, еще чем-нибудь несуразным.

Преподаватель между тем, пытаясь взять себя в руки и сделать вид, что все идет как должно, притягивает к себе классный журнал с отметками.

– Таааак, – хрипло тянет он и продолжает: – Теперь решаем следующую задачу. К доске пойдет...

Семинаристы ждут. Они уже поняли, что розыгрыш удался. И это здорово! Будет о чем рассказать вечером. Ну, а отвечать у доски на уроке Пухова – плевое дело, поэтому в их ожидании ничего, кроме любопытства, – кто на сей раз усыпит физика.

– К доске пойдет..., – палец преподавателя, наконец, остановился на середине списка, – Попов Александр. Пожалуйста, милостивый государь.

По классу пролетел шепот разочарования: при таком ответчике Пухов, пожалуй, и не заснет, ведь Попова хлебом не корми, дай задачки порешать. Одно слово – «математик».

Саша быстро прошел к доске, стер неуверенные каракули предыдущего отвечающего и приготовился записывать условие. Ученики снова занялись своими делами, почти не обращая внимания на диалог у доски.

*Пермская Духовная
Семинария.
Конец XIX века*

*Ул. Кунгурская (Комсомольский проспект) с колокольни
кафедрального собора. Первый перекресток –
с ул. Торговой (ул. Советская). Пермь, конец XIX века*

Из семейного альбома

**Измаил Петрович Лавров.
Конец XIX века**

**Семья Измаила Петровича Лаврова.
Слева направо: Измаил Петрович Лавров,
С. И. Лаврова (дочь), Серафима Дмитриевна
Лаврова (жена), Петр Измайлович Лавров (сын),
Н. И. Лаврова (дочь). Конец XIX века.**

Через несколько минут Саша уже записывал ответ. К этому времени Пухов еще действительно не успел переключить свое внимание с внешнего мира на внутренний, поэтому сам, без посторонней помощи с задних рядов, усадил семинариста на место, нарисовав в классном журнале напротив фамилии Попов очередную «пятерку».

Согласно указу Петра I от 25 января 1721 года, духовные семинарии существовали во всех епархиях. Пермская была учреждена в 1800 году и располагалась, пожалуй, в самом живописном месте Перми – на высоком камском берегу, на углу улиц Монастырской (ныне Орджоникидзе) и Кунгурской (ныне Комсомольский проспект), напротив Спасо-Преображенского кафедрального собора. Здание семинарии строилось с 1826-го по 1841 год по проекту И. И. Свиязева. Знаменитый уральский зодчий изначально рассчитывал, что стоящие здесь кафедральный собор, архиерейский дом и семинария составят единый и органичный архитектурный ансамбль. После отъезда Свиязева из Перми в 1832 году комплекс зданий семинарии достраивал архитектор Пермской казенной палаты И. А. Кругляшов.

Образование в духовных семинариях было достаточно высокого уровня, потому что требования к педагогическому составу были здесь выше, чем в остальных средних учебных заведениях города. Возглавлявший семинарию ректор, кроме сана архимандрита или протоиерея, должен был иметь ученую степень доктора или магистра богословия. Преподавателями могли быть лишь лица с ученой степенью магистра или хотя бы кандидата духовной академии. Окончившие духовные академии, но не получившие еще ученых степеней допускались лишь к «исправлению учительских должностей». Исключения допускались только для преподавателей общеобразовательных дисциплин. «Для преподавания предметов общего образования, – гласит § 60 устава, – и для обучения искусствам могут быть приглашаемы наставники из гимназий и других учебных заведений».

Преподавание такой сугубо естественной науки, как физика, в духовных семинариях России было поставлено довольно хорошо. По крайней мере, в Пермской Духовной Семинарии кабинет физики, по общему признанию городских учителей, был «недурной».

*А. С. Попов –
семинарист.
Пермь, 1877 год*

В нем тогда имелись необходимые приборы для проведения различных опытов. Сей факт явился даже причиной того, что многие местные учителя не прочь были бы устроиться в семинарию преподавателями физики.

Однако здесь были некоторые трудности. Главным моментом новой реформы было введение выборного начала, теперь выпускники духовных академий сами могли выбирать место своего служения, из-за чего в провинциальных семинариях

случалась острая нехватка преподавателей. В Пермской семинарии из-за выборного начала годами пустовала физико-математическая кафедра.

Дело в том, что, согласно действующему положению, постоянных, так называемых «академических», вакансий на преподавание физики в семинарии не существовало. А поскольку жалование у «почасовиков» было меньше и они не имели преференций «академиков», то первоначальное желание служить в семинарии у мно-

*Пермское Духовное Училище.
Угол улиц Покровской
(ул. Ленина) и Оханской
(ул. Газеты «Звезда»).*
Начало XX века

гих учителей физики быстро пропадало. Вот и получалось, что при наличии хорошей учебной базы начальство семинарии вынуждено было привлекать для преподавания зачастую случайных людей. Как прямо пишет в своих очерках Н. Седых, «такими случайными и притом неподходящими лицами была первая пара преподавателей гг. Пухов и Зотиков»¹.

Что касается господина Пухова, то он начал преподавать в Пермской семинарии с января 1876 года. То есть аккуратно в том году, когда Саша Попов «дорос» до физики, которую изучали в четвертом классе. Как вспоминает тот же Н. Седых, «слабостью Николая Яковлевича было излишнее пьянство». В связи с этим случаи, подобные описанному выше, были нередки и пользовались непреходящей популярностью у семинаристов. О втором учителе — не-

¹ Н. Седых «Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877–1884 год». Пермь, 1916.

коем господине Зотикове – в упоминаемых «Очерках по истории Пермской семинарии» и вовсе сказано: «...Оказался еще хуже...» Храпел, наверное.

Как и духовные училища, в 1867 году семинарии получили новый устав. Курс обучения был шестилетний. В течение первых четырех лет учащиеся проходили, за исключением одного предмета – изъяснения Священного Писания, лишь общеобразовательные дисциплины в объеме средней школы¹.

В пятом и шестом классах семинаристы изучали богословские дисциплины: церковную историю, литургику, гомилетику, основное богословие, догматическое богословие, нравственное богословие, практическое руководство для пастырей, педагогику, дидактику и чтение святых отцов по-гречески. Кроме того, преподавались и

*Вид на Пермь между
Петропавловским и
Кафедральным соборами
с правого берега Камы.
Конец XIX века*

Воспитанники Пермской семинарии IV-го класса 1877 года

1408. I. А. С.
- Ю. Р. II

Портрету епископа
Феофановича
сентябрь 1877

Знаете цифру см. на карточке бывшие воспитанники Пермской
Духовной Семинарии уезд. Завед. по окладам обществ. здан. и к-
бушеской науки. Тут обозначены фамилии Селез. Фаин

Воспитанники Пермской Духовной Семинарии IV-го класса. В первом ряду в центре под № 4 - А. С. Попов. 1877 год

необязательные дисциплины: еврейский и татарский языки, история и обличение русского раскола.

Что касается общеобразовательных дисциплин, то в первых трех классах изучался один новый иностранный язык: французский или немецкий (по выбору учащихся; Саша Попов изучал французский).

Из гуманитарных дисциплин самая большая программа была по всеобщей и русской истории. История изучалась в первых трех классах. В третьем классе преподавалась логика и в четвертом — психология и обзор философских учений. Из точных наук преподавались в первых трех классах математика, в последнем — физика. А физика, помимо прочего, изучала электричество — очень модную тогда и перспективную отрасль науки и техники¹.

Ранее мы уже говорили о реформах, проводимых в государстве и затрагивающих, в том числе, и религиозные институты. В новом уставе, согласно которому

строилась теперь вся жизнь учащихся, много внимания было уделено приемам воспитания бурсаков и семинаристов, в том числе и во внеурочное время. Так, например, в главе, посвященной дополнительному обучению, было записано: «Занятия музыкой, живописью и другие подобные упражнения, развивающие эстетический вкус и отвлекающие от праздности и грубых удовольствий, должны быть не только дозволяемы, но даже поощряемы с тем, чтобы они всегда были строго нравственны. Для надлежащего развития и укрепления телесных сил воспитанников назначаются в

каждой семинарии, под руководством особого учителя и наблюдением врача, гимнастические упражнения, а также садовые занятия и игры, способствующие развитию сил».

При этом перечень возможных наказаний был весьма скромным. Меры исправления воспитанников, — говорилось в документе, — избираются правлением семинарии со строгой разборчивостью в отношении к их роду и качеству; во всяком случае они не должны быть грубы и унизительны». И далее: «Употребление сих мер должно быть всегда соображаемо с возрастом, первоначальным воспитанием и характером исправляемых»².

¹ В. Ситырин, О. Лобанова «Еще неслышим глас продленный...». Екатеринбург, 2004.

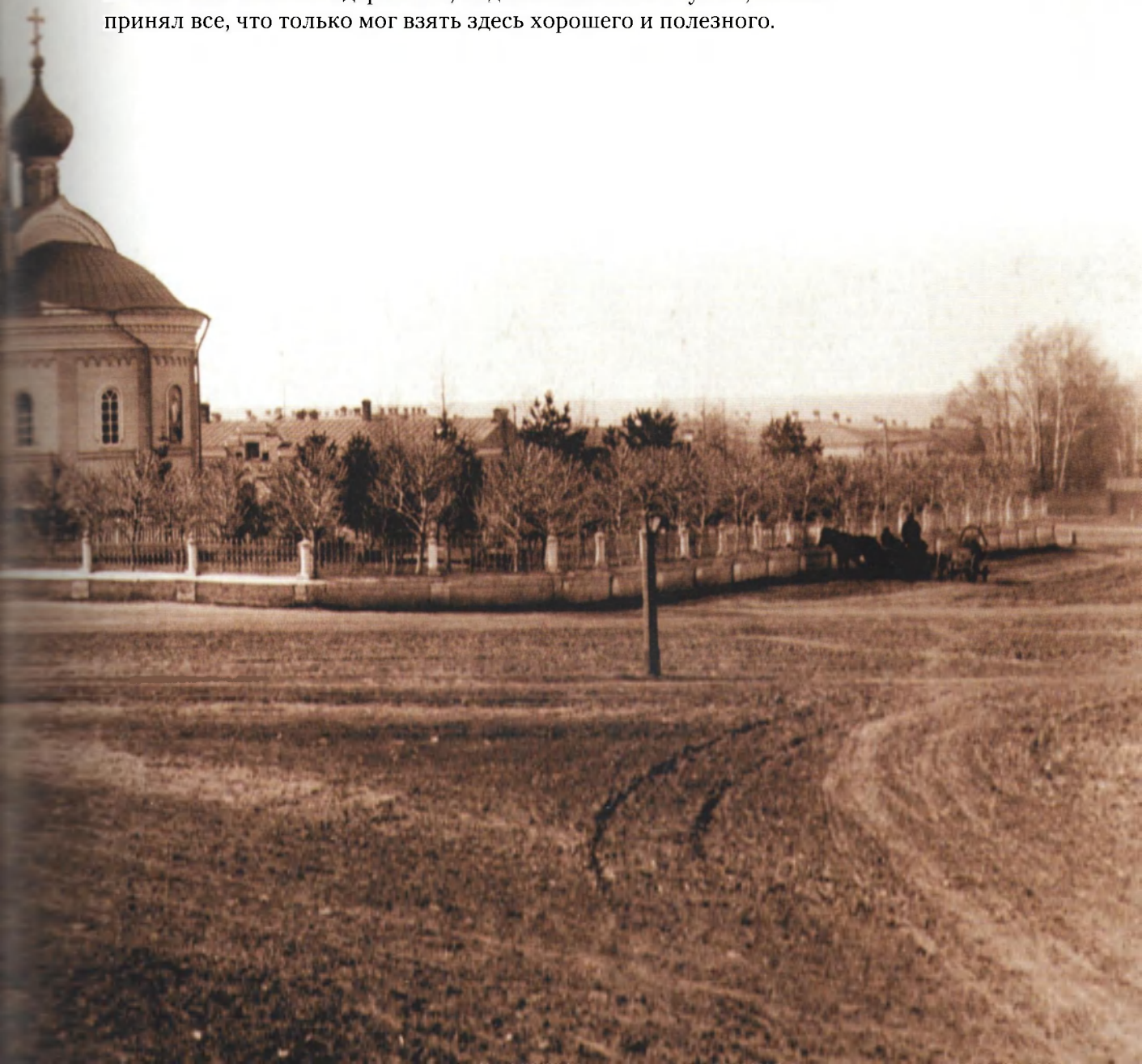
² «Сведомости Пермской епархии», 1867 год.

*Пермь. Перекресток ул. Воскресенской
(Луначарского) и Обвинской (25 Октября).
Воскресенская церковь. Начало XX века*

Новый ли устав тому причиной, близость ли к епархиальному начальству или элементарное взросление и дальнейшее умственное развитие, но упоминаний о случаях унижений и излишних наказаний учащихся в Пермской семинарии в воспоминаниях современников встречается гораздо меньше, чем в рассказах о духовных училищах. Здесь все-таки гораздо больше внимания и времени уделялось непосредственно учебе, а более способные семинаристы свое свободное время предпочитали проводить, занимаясь самообразованием и чтением книг.

Вот в такое учебное заведение поступил в 1873 году Александр Попов. Как человек одаренный, наделенный живым умом, он воспринял все, что только мог взять здесь хорошего и полезного.

Пермь, конец XIX века.
Улица Сибирская на пересечении
с ул. Покровской (ул. Ленина).
Дом слева – книжный магазин
Пиотровских

УЧЕБНИК-ВОЛШЕБНИК

Сказочное утро пришло на смену ушедшей ночи. Дома, дворы и улицы оказались в плену пока еще ненадежно-тонкого бело-снежного покрывала.

*Покрыл предательский снежок и тротуары, и дорогу.
Будь осторожен, мой дружок:
Один неопытный шажок –
И ты себе сломаешь ногу...¹*

Этот стишок выкрикивает мальчишка, продающий газеты. Он несется по улице, то и дело поскользываясь на свежавыпавшем снегу. Обгоняя Сашуру, он чуть не упал, да вовремя схватился за проходившего мимо прохожего. Не дожидаясь, пока его обругают, обернул к прохожему свое веснушчатое лицо, широко улыбнулся, обнажив при этом щербатые зубы, и предложил:

– Покупайте, господин, свежую прессу, фельетон на злобу дня, полезные советы, как не сломать себе шею в первый зимний день!

¹ С. Ильин, фельетон «Капун зимы», «Пермские губернские ведомости».

А то вот я читать не умею, потому, видимо, и падаю!

Господин, который секунду назад всерьез намеревался было стукнуть мальчишку по спине своей тросточкой, заразившись веселостью газетного продавца, передумал наказывать негодника. Вместо этого он опустил руку в карман и, достав оттуда мелочь, приобрел у него «Пермские губернские ведомости».

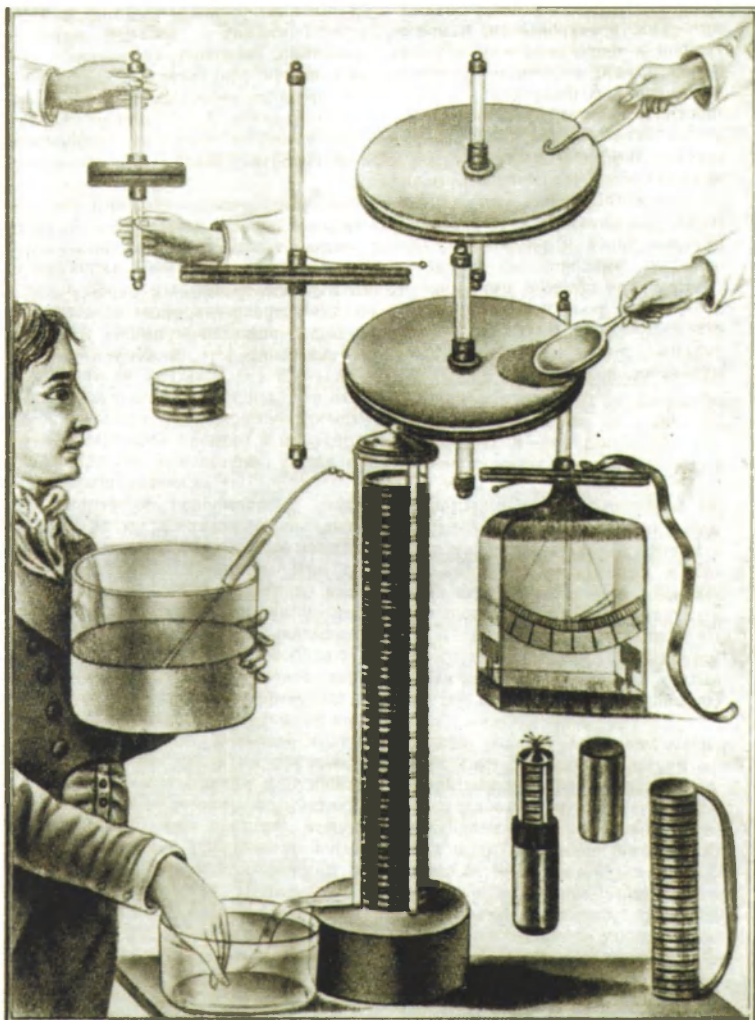
Сашура газету покупать не стал. Его не очень интересовали городские новости, гораздо больше тянуло в книжный магазин Пиотровских, что недавно открылся на улице Сибирской.

Саше очень нравилось бывать в этом магазине, он мог находиться здесь часами, выискивая на полках самые ценные и заветные книги – по математике, естествознанию, конструированию. Жалко только, что свободного времени у семинаристов остается очень мало, надо и к урокам приготовиться, и трудовую повинность отслужить. Нет, Сашу не тяготят физический труд или обязательное участие в церковных службах, просто на любимое дело остается очень мало времени. Приходится урывать часы от сна и прогулок.

Вот и сейчас вместо того, чтобы «выполнять гимнастические упражнения для укрепления телесных сил», как того требует устав семинарии, Саша идет в любимый книжный магазин. Здесь, как всегда, много народа. Такое впечатление, что люди сюда приходят не столько за книжками, сколько за общением. Кто-то обсуждает новости, кто-то зашел узнать, что будет идти в оперном театре в ближайшие выходные, здесь даже продают билеты на концерты музыкального кружка и заезжих музыкантов. Но для Саши здесь главное – книги. И еще новости Пермского научно-промышленного музея.

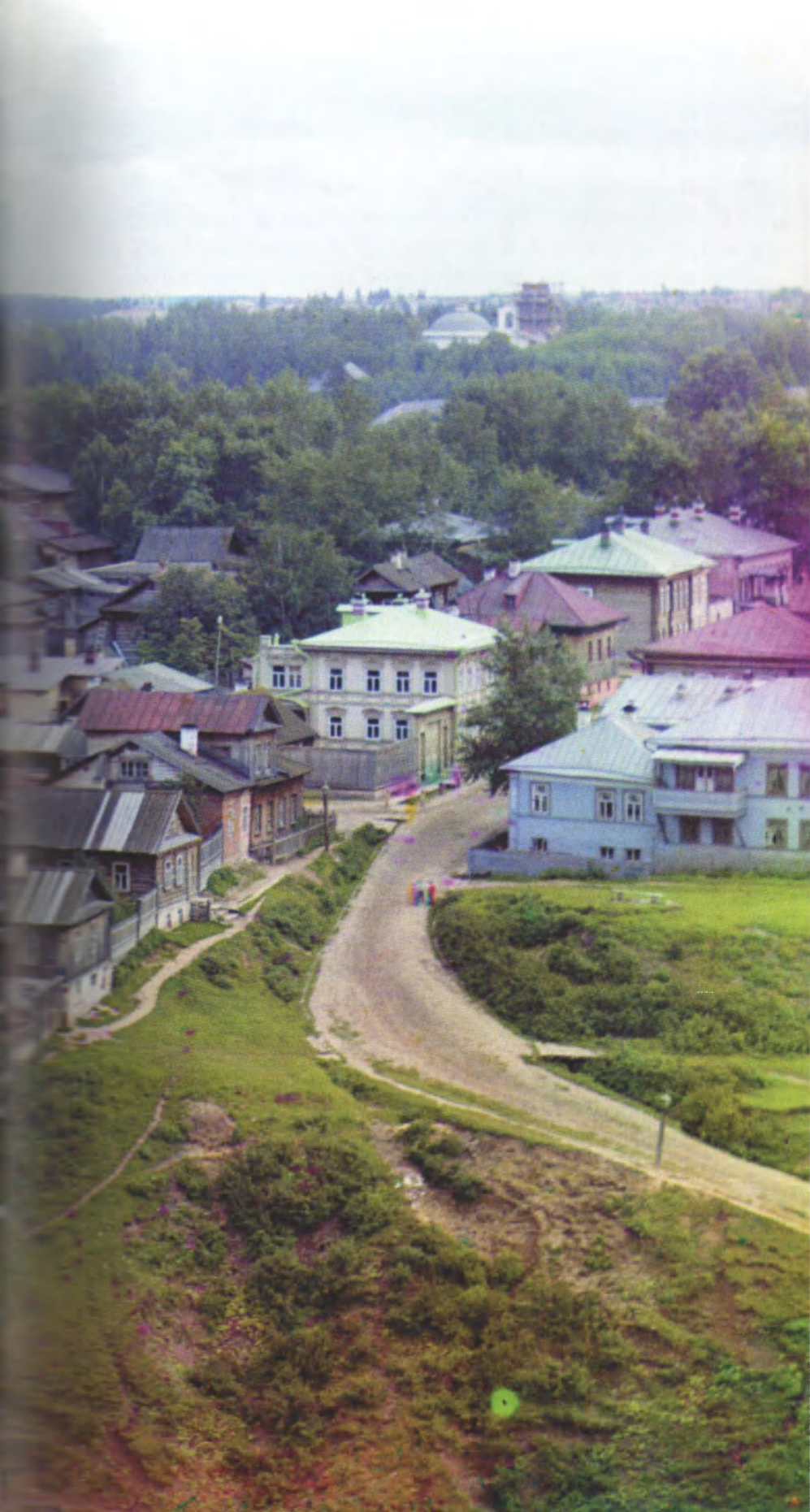
Однако сегодня Сашу, оказывается, ждал гораздо более потрясающий сюрприз, нежели новости пермской промышленности: на прилавке магазина он увидел учебник «Полный курс физики»!

Когда книга оказалась в его руках, он даже заволновался. Ого, что тут есть! Есть ответы на давно мучающие его вопросы: почему не растекается вода, когда она налита в стакан с верхом; почему поднимается в воздух такой тяжелый и громоздкий воздушный

Страница из учебника физики. Конец XIX века

*Пермь. Разгуляй.
Начало XX века*

шар; почему, если резко дернуть салфетку, тарелка, на которой она стояла, остается на месте; почему голос проповедника в церкви звучит так громко и раскатисто? Все-все ответы есть...

Вот бы такую книгу купить! Вот бы купить...

Но Саша понимает: ему это явно не по карману. Собственно, и кармана-то у него никакого нет. Деньги, которые ему присылают родители, почти все идут на оплату квартиры и еды. То, что остается, он тратит на приобретение тетрадей, перьев и карандашей. Даже если очень-очень урезать свои расходы, то и тогда ему понадобится очень много времени, чтобы накопить требуемую сумму.

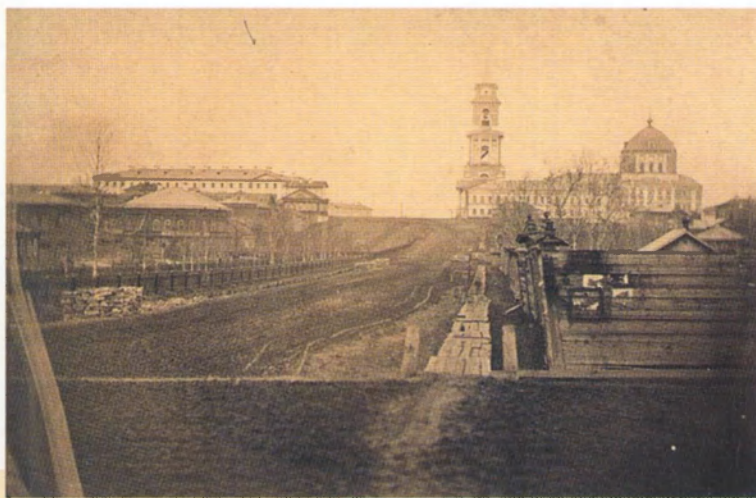
«Ну что ж. Буду приходить сюда еще чаще, – утешается Сашура, – глядишь, так и прочитаю ее прямо в магазине».

Кто-то из великих сказал, что «самое высшее» из всех высших образований – это самообразование. Проще говоря, книжки нужно читать. Вот Саша и читал.

Исследователи и биографы дружно утверждают, что в «пермский период» для семинариста Попова «бестселлером» стала книга по физике французского автора Адольфа Гано, к тому времени уже широко известная в Европе, переведенная на русский язык и изданная замечательным человеком – Флорентием Павленковым. Он как раз и специализировался на выпуске литературы, предназначенной для получения того самого «высшего-высшего» образования. История «Полного курса физики» А. Гано – особая страница в издательском деле России и судьбе Александра Попова.

На могиле знаменитого русского издателя Павленкова выбито название книги Адольфа Гано (1804–1887 гг.) «Полный курс физики», которая положила начало его будущей обширной издательской деятельности. Эта книга стала судьбоносной для Павленкова, принесла ему известность и первоначальный капитал для создания собственного дела. В переводе самого издателя она выдержала десять переизданий, каждое из которых включало дополнения и уточнения. Он предварительно изучил читательский спрос, обнаружив особую потребность общественности в ясно и всесторонне изложенных физических знаниях. И тогда выбрал для перевода учебник физики парижского профессора Адольфа Гано.

Первое издание, вышедшее в 1871 году, представляло собой несколько тоненьких разрозненных брошюр, тематически про-

Пермь. Ул. Кунгурская (Комсомольский пр.). Вид на кафедральный собор и Духовную Семинарию (слева). Конец XIX века

Из семейного альбома

*Г. да.
в афен.*

**Группа сотрудников электростанции
Нижегородской ярмарки. А. С. Попов сидит
второй справа**

VI К Л А С С А.

Первый разрядъ:	1. Леонидъ Игноратовъ	5.
	Василій Кузнецовъ	5.
	Александръ Михайловъ	5.
	Дмитрій Вышегородскій	5.
	5. Николай Плетневъ	4.
Второй разрядъ:	Петръ Насоновъ	4.
	Григорій Поповъ	4.
	Иванъ Павловичъ	3.
	Петръ Пономаревъ	3.
	10. Евгеній Старицынъ	3.
	Михаилъ Киселевъ	3.

V К Л А С С А.

Первый разрядъ:	1. Петръ Шимовъ	5.
	Евгеній Шестаковъ	5.
	Александръ Пинегвинъ	5.
	Михаилъ Богородицкій	5.
	5. Николай Вълзеровъ	4.
	Филитеръ Порошинъ	4.
	Иванъ Посохинъ	4.
	Алексѣй Варушевнъ	4.

должавших друг друга. Это было сделано Павленковым для удешевления издания, хотя он, в отличие от того же Ивана Сытина, дешевых «народных» книг, как правило, не печатал. Дело в том, что первый тираж выпускался на заемные деньги, и Флорентий Федорович, чтобы уложиться в 1 000 рублей, в одном лице вынужденно совмещал и переводчика, и корректора, и «менеджера по связям» с Адольфом Гано.

Работа эта заняла около двух лет. Проект удался, можно сказать, блестяще. И второе издание Павленков уже осуществил единой книгой на вырученные от продажи брошюр денег. Вышло оно в